

60.02

ФЗЧ

К-64438

В.А.ФЕДОТОВ

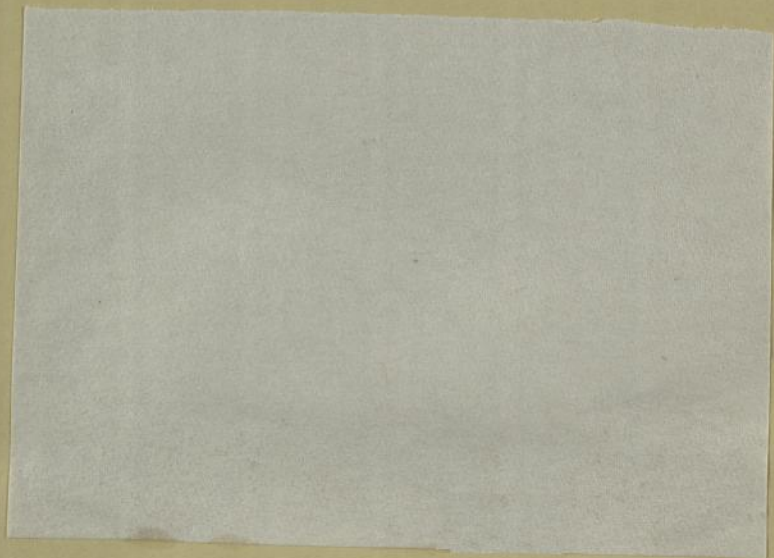
НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ЭТНОСА

ЙОШКАР-ОЛА
2003

Национальная библиотека ЧР

к-064438

к 60.02
Ф 34
Министерство образования Российской Федерации
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

автор
В.А. ФЕДОТОВ

НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ЭТНОСА

МОНОГРАФИЯ

Йошкар-Ола, 2003

Федотов В. А.

ББК 63.5(2 Рос)

УДК 391

Ф 34

Дарственный экз

Рецензенты: **Н.А.Исмуков**, д-р филос. наук, профессор, Чебоксарский кооперативный институт Московского университета потребительской кооперации;

Р.В.Михайлова, д-р филос. наук, профессор, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом МарГУ

Федотов В.А.

Ф 34 **Нравственные традиции этноса:** Монография / Йошкар-Ола. Мар. гос. ун-т. 2003. 124 с.

ISBN 5-94808-104-4

В монографии на основе закона преемственности исследуется актуальная проблема социальной философии – нравственные традиции этноса, сформировавшиеся на протяжении многих веков. Анализируются генезис нравственных традиций и их роль в мировоззренческом, нравственно-эстетическом воспитании подрастающего поколения.

Адресуется специалистам, изучающим проблемы культурно-исторического наследия прошлого. Может быть использована в качестве учебного пособия в вузах, средних учебных заведениях, гуманитарных гимназиях и лицеях.

К-64438

ББК 63.5(2 Рос)

УДК 391

ISBN 5-94808-104-4

© Федотов В.А., 2003

© Марийский государственный университет, 2003

Национальная библиотека
Чувашской Республики

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография В.А.Федотова «Нравственные традиции этноса» вызывает несомненный интерес и своей актуальностью, и оригинальностью, и богатством фактического материала. У нас в стране первую, особо удачную попытку философского осмысления национальной духовно-нравственной культуры сделала профессор Т.Н.Петрова в своей программно-концептуальной книге «Национальная культура, традиции и элементы народной философии чувашей» (Чебоксары, 1996).

В своей монографии В.А.Федотов делает существенный шаг вперед по средствам широкого и глубокого аналитического представления общности духовных ценностей тюркских народов, то есть им отданы многие годы и силы исследованию этой очень важной проблемы. В работе привлекает этноориентированность как содержания духовной культуры, так и философского осмысления процесса ее формирования.

Для национальной культуры, социальной философии колоссальное значение имеют три заветных заповеди К.Д.Ушинского: во-первых, «каждый народ имеет свою особенную характеристическую систему воспитания»; во-вторых, «в душе каждого человека черта национальности коренится глубже всех прочих»; в-третьих, «воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое».

Этнофилософское осмысление этих заповедей Ушинского, выдвинувшего и обосновавшего свой универсальный принцип народности, — и инструктивно, и продуктивно, и созидательно, и, пожалуй, по-новаторски смело. Поэтому автора настоящей книги вполне можно поздравить с удачей в научных поисках — в связи с получением заметных результатов в философском обобщении серьезных этнорегиональных проблем.

Особенно сильной стороной исследования являются богатое многообразие фактического материала и его задействованность в этнопедагогический, этнофилософский диалог культур, в том

числе, прежде всего, этической (нравственной) культуры. Этно-педагогический диалог культур позволил В.А.Федотову вплотную подойти к принципиально новому аспекту сравнительной философской этнопедагогики тюрков – *нравственно-этическому*. Продуктивным оказалось обращение к морально-этическим ценностям русского народа, что позволило автору привлечь внимание педагогов к общечеловеческим ценностям.

В процессе работы над настоящей книгой В.А.Федотов находился как бы в центре действующей этнофилософской модели межнациональной гармонии. Отрадно, что автор сумел вступить в творческие взаимоотношения с представителями почти всех стран, входящих в СНГ.

Идея межэтнической гармонии является ведущей идеей монографии – в этом смысле весь и гуманистический, и демократический пафос книги, которую, как я надеюсь, с удовлетворением встретят не только ученые, но и учителя, и широкая творческая общественность.

Доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Г.Н.Волков

Глава I. НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Традиции как форма исторической памяти этноса

Понятие «традиция» прочно вошло в литературный, политический, правовой, философско-научный и бытовой лексикон, используясь в широком смысловом диапазоне. Им обозначают повторяющиеся свойства, отношения всех сфер общественной жизни, транслирующихся от поколения к поколению. Привычным стало употребление традиции как синонима обычая (обряд, ритуала).

В условиях, когда отсутствовали иные механизмы удержания, хранения и передачи коллективного опыта, единственным способом коммуникации были традиции, которые закрепляли накопленный опыт, воспроизводили «идеальную программу» жизнедеятельности человека. Люди думали и действовали в рамках традиций, с помощью которых они повторяли все моменты, необходимые для их жизни.

В истории человечества порядок общественной жизни поддерживался силой привычки, общественным мнением, традициями, моральным авторитетом старейшин своего рода или племени и определенного поселения людей, которые представляли общие интересы всех их членов. Традиции, как социальный институт функционирования общества, занимали важное место в системе регуляции образа жизни этноса и выполняли свои функции только лишь при активной их поддержке общественностью. Правовые нормы функционируют только при поддержке их государством. Традиции диалектически связаны с социальными нормами.

Становление традиций является естественным и историческим процессом. Их формирование и функционирование объясняются тем, что люди сознательно стремились к укреплению и неукоснительному соблюдению тех или иных нравственных норм. Общество во все времена нуждалось в системе традиций, в которых закреплялись сложившиеся и зарекомендовавшие себя формы нравственных норм в образе жизни людей. Для образования традиций необходим какой-то исторически определенный отрезок времени, в течение которого повторяющиеся

формы деятельности людей приобретали традиционный характер. Они передавались от поколения к поколению, воспитывали необходимые для семьи, коллектива, общества привычки и выступали конкретными регуляторами поведения людей. В возникновении традиций, в их становлении и развитии преобладало сознательное начало. Они окружают человека от рождения и до последнего дня жизни, «придумать» или «отменить» которые отдельный человек не в состоянии. Истории неизвестно ни одного общества, которое не имело бы устойчивых обычаев и традиций. Жизнь без традиций есть отказ от собственной истории, от накопленного многовекового культурного и духовного опыта как части *Единого Культурного Космоса Всечеловечества*, забвение исторической памяти, разрушение естественного, человеческого способа жизни.

Возрастание объема и усложнение деятельности людей, направленной на удовлетворение их потребностей, приводило к необходимости фиксировать знания в сфере нравственности достижения практики в виде каких-то норм, традиций, которые содержали бы собранный воедино обобщенный опыт многих поколений людей. Поэтому традиции воплощали и накапливали в себе основу «народной, житейской мудрости». Отличительная черта «народной мудрости» заключается в том, что она выступала в качестве своеобразного свода рецептов поведения в разных случаях жизни. Они, выражая народную мудрость и здравый смысл, фиксировали многократно проверенные очевидные сведения о природе, обществе и человеке.

Традиции, как необходимый элемент социального бытия и духовной культуры людей, возникли вместе со становлением человеческого общества. Действие традиций не ограничивалось сферой нравственности. Они проявляли свою активность и в области производственной, хозяйственной жизни людей. В процессе производства человек приобретал не только трудовые навыки, но совершенствовал свое сознание. Труд никогда не был чисто индивидуальным процессом, а всегда – общественным производством. Поэтому трудовая деятельность требовала коллективных усилий, дисциплины, определенного порядка, то есть нужны были определенные нормы, выраженные в традициях этноса.

Наряду с вышеназванными видами деятельности в образе жизни древних людей особое место занимала система символи-

ческих действий. Они не давали прямого практического результата, но вызывали в сознании наших предков те или иные чувства, настроения, образы, формировали определенные мысли и представления. В мировоззрении человека те действия, которые дают реальный результат, и те, которые имеют только лишь символический смысл, выступают как нечто единое целое.

Возникновение традиций обусловлено не только социальными, но и биологическими, физиологическими факторами, так как в их формировании определенную роль сыграли такие явления, как инстинкты, навыки, умения, чувства, привычки. Физиологической основой формирования умения, навыков является образование систем временных связей или динамических стереотипов, обладающих значительной прочностью и устойчивостью. Привычки бывают, как правило, индивидуальными, которые составляют важный элемент индивидуального сознания. *Привычки* — это личные свойства человека. *Привычка* — это автоматизированный элемент в поведении человека, связанный с потребностью совершить те или иные действия, которые закрепляются в силу их многократного повторения. В привычных действиях часто выражается единство чувств, убеждений, поступков человека. Привычки являются необходимым и полезным фактором в жизни людей, так как, во-первых, выражают и обеспечивают единство желаний и действия; во-вторых, в них проявляются черты характера человека; в-третьих, они освобождают сознание и память человека от излишних нагрузок.

Когда мы говорим об общественных привычках, то имеем в виду традиции, обычаи, которые образуют общественные свойства людей. Процесс образования и формирования традиций в данном случае идет сверху на базе общественных потребностей и удовлетворяет общественные интересы.

Кратко, однозначно сформулировать, что такое «традиция», не так просто, так как у них много различных сторон, особенностей. И, характеризуя одну из них, мы невольно упускаем другое. «Традиции, — пишет А.К.Уледов, — это социальные механизмы закрепления, воспроизведения, обогащения и передачи последующим поколениям исторически сложившихся устойчивых, повторяющихся, общезначимых форм, способов, приемов деятельности и отношений социальных групп или общества в

целом»¹. По утверждению И.В.Суханова: «Наиболее эффективной стороной развитых обычаев и традиций является их обрядовая сторона... Обрядовая форма возникает только тогда, когда все остальные составные части обычая, традиции уже более или менее прочно утвердились в общественной и личной жизни... Обряд всегда сопряжен с переломными моментами в жизни человека, он аккумулирует в себе мысли и чувства, вызванные установлением, изменением или прекращением важной для человека определенной общественной связи»².

Важный шаг в понимании природы традиций был сделан в ходе дискуссии на страницах журнала «Советская этнография» по поводу статьи Э.С.Маркаряна «Узловые проблемы культурной традиции»³. Выводы некоторых авторов весьма актуальны и для анализа нашей проблемы. Так, С.А.Арутюнов подчеркивает, что понятие «традиция» следует ограничить лишь той частью культуры, которая более или менее постоянно воспроизводится в общественном сознании и общественном поведении и передается через последнее»⁴.

Коллективный характер традиций предопределяет ее огромные потенциальные возможности воздействия на общественное мнение и внутренний мир человека. Особенно велико влияние традиций в формировании духовного мира детей и подростков, так как в них заложены определенные социально-нравственные идеи и представления. Их главная задача выражается в том, чтобы, опираясь на привычно-традиционное, в яркой, эмоциональной форме интересные, необходимые явления и события жизни людей «перевести» в систему запоминающихся действий, которые стимулируют активное отношение человека к происходящему.

Развитие представляет собой направленное изменение – от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Следовательно, развитие в известном аспекте есть смена состояний, имеющее необратимый характер.

¹ Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 211.

² Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976. С. 39-40.

³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции. // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78-96.

⁴ Там же. С. 97.

Всякое развитие, характеризующееся диалектическим переходом от одного предыдущего к другому последующему этапу, необходимо сохраняет в ходе диалектического отрицания старого новым то «положительное», что составляет основу дальнейших изменений и, соответственно, обуславливает сам процесс развития. Сохранение и перенос из прошлого в настоящее и будущее необходимых, обеспечивающих историческую связь элементов развития, означают *преемственность*. В обществе она представляет собой особое общественное отношение – традицию (trado, traditio от trans+do по-латыни означает «передать»). Последняя, следовательно, есть такое отношение, которое устанавливается между прошлыми, настоящими и будущими общественными отношениями. Поскольку прогрессивная традиция, предполагающая диалектическую преемственность, вместе с тем выражает историческую логику названного процесса, то она является необходимым объективным общественным отношением.

Определяя традицию в контексте закона исторической преемственности, мы имеем в виду следующее. Традиция является специфически социальным феноменом и, будучи стабильным трафаретом поведения, не исключает развития. Традиция, являясь особым социальным институтом, отличается от других видов преемственности.

Учитывая, что понятие преемственности имплицитно содержит в себе смысл и исторической связи, и основы развития, можно еще более дифференцированно подойти к истолкованию традиции, которая должна быть представлена тогда соответственно как специфическое выражение историко-генетической связи в русле развития общественных отношений.

Исторические закономерности характеризуются не только континуумальностью, но и прерывностью. Традиции являются фрагментами прерывности. Прошлое необходимо содержит в себе не только стабильное, консервативное, но и происхождение нового (явно или неявно, в снятом виде).

Глубокие сдвиги в общественном сознании выявили особую значимость традиций как узловых моментов связи между прошлым и будущим, как фактора стабилизации общественных отношений. Именно эти феномены обеспечивают живое смысловое единство человеческого существования. «Стабильность и устойчивость нравственной культуры, – пишет И.В.Суханов, –

особенно заметны в таких ее структурных элементах, как обычаи и моральные традиции, нормы нравственности и справедливости, элементарные правила человеческого общежития, которые обеспечивают воспроизводство утвердившихся в данном обществе социальных отношений»⁵.

Актуализация прогрессивной традиции прошлого способствует закреплению освобождающихся от догм и устаревших стереотипов сознания современной эпохи, восстанавливающее разорванные нити связи с прошлым. Формирование индивидуального и общественного самосознания предполагает осознание корней принадлежности к некоторому укладу жизни сообщества людей и их традициям. Ситуация, требующая выхода из острого кризиса традиционного консерватизма, влечет за собой рост национального самосознания, обращенный к восстановлению самобытных нравственных традиций. Происходящие во всех сферах жизни общества перемены и связанные с ними процессы тяготения к этнокультурным ценностям, с одной стороны, и к общечеловеческим ценностям и демократическим идеалам, с другой, требуют осмысления и философского объяснения роли и механизмов функционирования традиций в жизни общества.

Социальная практика подтвердила опасность отказа от традиций, влекущих за собой и негативные последствия. Ломка стереотипов, деформация устоявшихся связей и отношений не проходит бесследно для общества и оборачивается трагедией для личности. Только с учетом сложного отношения традиций и современности в определенном контексте изменений возможны управление общественными процессами и их прогнозирование. Знание закономерностей, лежащих в основе эволюции традиций, их регулятивных и стабилизирующих функций необходимо для осознания общественно значимых ориентиров и ценностей, анализа и выбора наиболее оптимальных путей эволюции социальных систем.

Традиции — это механизм аккумуляции, передачи и актуализации человеческого нравственного опыта. *Традиция* — это также система связей настоящего с прошлым. При помощи этой связи совершаются накопление, отбор и, что очень важно, стереотипизация опыта и передача стереотипов. Традиция не од-

⁵ Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений, М., 1976. С. 10.

норазовое явление, побочное или случайное для истории, а то, что имеет значение для человечества или социальной общности любого масштаба, от племени или какой-либо первичной локальной группы до нации. Это опыт, накапливающийся в виде системы стереотипов человеческой деятельности и результатов этой деятельности. Каждое человеческое общество для того, чтобы функционировать, должно иметь сложившуюся систему нравственной культуры, оправдавшие себя традиции.

Общество различается не наличием или отсутствием традиций, а особым содержанием их, особыми способами их трансмиссии и функционирования. Традиция же предполагает устойчивость функционирования форм нравственной культуры и тем самым наличие факторов, которые ее стабилизируют, обеспечивают ее воспроизводство. Именно эти факторы и стимулируют возникновение и накопление стереотипов. Существование подобных стабилизаторов (стереотипов) связано с регулярной повторяемостью сходных ситуаций и сходных потребностей и являются традиционными способами решения типовых ситуаций. В этом смысле разные типы общества отличаются также набором и характером стереотипов, типом их взаимосвязи.

Традиция — это коллективная память, не генетическая, а социальная. Однако понятие «память» не охватывает целиком традицию как социальное явление, так как при этом как бы устраняется момент воспроизведения, а выдвигается на первый план лишь сохранение, удержание. Между тем без воспроизведения нет традиции.

Надо окончательно расстаться с представлением о том, что *традиция* — это обязательно нечто консервативное, косное, подлежащее преодолению. В каждой структуре нравственной культуры и в каждой традиции есть разновременные по своему происхождению элементы и далеко не всегда самые старые из них подвержены наименьшей выживаемости.

В основе каждой традиции лежит опыт того социального коллектива, который ею располагает и ее поддерживает, вне зависимости от того, накоплен этот опыт в течение тысячелетий, или нескольких лет, вырабатывался он путем проб и ошибок, на ощупь и наугад или при помощи логических умозаключений, за счет интеллектуального потенциала. Стереотипы фиксируют этот опыт, стабилизируют его в коллективной памяти.

Все это важно для выявления роли народных масс в истории и его коллективного устного творчества — фольклора. *Фольклористика* — это наука, прежде всего, о традициях в этническом и тем самым в нравственных аспектах. Именно традиции стабилизируют, обеспечивают существование человеческих общностей, в том числе общностей этнических.

В общечеловеческом смысле слова *традиция* представляет собой определенный тип отношений между последовательными стадиями развивающегося этнического субъекта, в том числе и нравственной культуры, когда старое переходит в новое и продуктивно функционирует в нем.

Рассматривая традицию, мы не можем абстрагироваться от основополагающего принципа ее, опирающегося на твердую историческую почву. Этот принцип исходит из такого понимания традиции, когда она не противопоставляется истории, а соотносится с ней. Такой подход к традициям устанавливает необходимые корреляты между прошедшей исторической действительностью и современным сознанием и связывает эти аспекты в точке пересечения объективного и субъективного в нравственной практике. Метод сопоставления современной исторической деятельности и оценочного мышления, обращенного к историческому прошлому, приводит не к возникновению противоречий, а к выработке нового, конструктивно-деятельного отношения к истории. Выявление и осознание своего места в системе современного исторического мышления делают возможным определение границ и условий деятельности и открывают путь к установлению продуктивного взаимодействия исторического прошлого с современностью. Следовательно, воздействие нравственной культуры прошлого и становление морали настоящего взаимообусловлены.

Значение нравственной культуры предшествующих исторических эпох предполагает не пассивное ее созерцание, а живое обогащение национальными оттенками, субъективно-оценочное восприятие ее. Вследствие этого наша конкретная деятельность оказывается под сильным влиянием прошлых традиций. Вместе с тем сама интенсивность проявленного интереса к тем или иным аспектам традиционной нравственной культуры определяется теми текущими задачами, которые возникают и практически решаются в современной действительности.

Практика выступает посредником между современными устремлениями общества и его нравственной культуры и историческим прошлым как детерминирующим фактором современности, становясь причиной, обеспечивающей преемственность нравственной эволюции. Ценности, которые мы открываем в нравственной культуре прошлых эпох, не сохранили бы для нас жизненности, если бы мы видели в традиционном лишь исторические реликты, образцы старого. Созерцательное и некритическое отношение к традиции, догматический подход к ней приводят к игнорированию динамического закона всякой подлинной преемственности, определяют преемственность просто как континуум, а не процесс. Любое тщательное копирование, механическое перенесение прошлого в систему новой нравственной культуры не создают временной связи, они лишь продуцируют прошлое за счет настоящего, лишая настоящее возможности активной интерпретации, а это означает, что настоящее ущемляется в своих правах и возможностях инициативного освоения прошлого.

На протяжении всей истории традиции являлись не порождением какого-то абстрактного духа, носителями их были не «критически мыслящие личности», а народные массы. Именно народ в своей совокупности, в ходе общественной практики создает, развивает, утверждает одни и отвергает, устраняет другие традиции.

Традиции людей так же древни, как само человечество, они есть продукт, вечное условие человеческой жизни, выражение жизнедеятельности людей. Как таковые, они не могут быть навязаны людям извне именно потому, что выражают исторически сложившееся социальное положение народа, его образа жизни и быта.

Нравственные традиции не есть нечто существующее само по себе, изолированно, в отрыве от конкретных общественных процессов, а представляют собой черту, присущую многим общественным явлениям, и потому имеют свое бытие в контексте социально-экономической практики, культуры и художественного творчества, семейно-бытовых и других человеческих отношений.

В процессе анализа нравственных традиций можно выделить функции обогащения и сохранения нравственной культуры, которые в то же время выступают как предпосылка, начальный

момент перехода ее на новый уровень. Соотношение традиций и новаций подвижно, динамично, исторически конкретно, детерминировано наличной социально-исторической ситуацией.

Значительную роль в нравственной культуре играют социально-этнические традиции. Выступая как грань, компонент любых традиций, они, вместе с тем, обладают определенной самостоятельностью, имеют специфическое содержание, своеобразные формы проявления.

Одной из важных проблем, касающихся данной работы, является выдвинутая в ней концепция приоритетной роли национальных обычаев, традиций в нравственном воспитании. *Этническое воспитание* – неприменное условие формирования национального самосознания. Политика государства в период советского тоталитарного режима осуществлялась на основе партийности и классовости, ограничивались возможности приобщения народов к ценностям своей культуры, обычаям, традициям, языку. Такая политика привела к разрыву всех механизмов нравственной преемственности, она способствовала деградации этнических духовных ценностей и национального самосознания, идеализации духовных ценностей отдельных народов под видом интернационализации культуры. Все это суживало возможности развития национальной нравственной культуры, осуществления воспитательных задач.

Этническое сознание, как часть духовной культуры, не может существовать вне и помимо традиций. Национальная культура, лишенная традиций, безлика. Наиболее рельефно социально-этническая специфичность традиций обнаруживается при анализе взаимодействия содержательных элементов и своеобразия форм проявления традиций.

Проявляясь во всех сферах жизнедеятельности людей, традиции, аккумулируя опыт поколений, приобретают специфические черты различных общностей на разных этапах развития. Внутренняя структура и характер традиций, в первую очередь, зависят от их носителей – этносов.

Этнические характеристики, свойственные любой этносоциальной общности, являются детерминантным фактором относительно содержания формируемых ею традиций. Социально-этническое в традициях – это специфическая, характерная для конкретного этноса форма выражения содержания той или иной традиции, определяемая объективными социально-экономичес-

кими, политическими, природно-климатическими условиями жизнедеятельности этносоциальной общности.

В случае длительной стабильности общественных отношений этническое содержание в традициях закрепляется, становится устойчивым. Это обстоятельство наглядно проявляется в условиях миграции этносов, когда выбор этнических элементов в традициях продолжает существовать и этнос с трудом приспосабливается к условиям новой социальной и культурной среды.

Этносы выступают одновременно объектом и субъектом определенной нравственной культуры, носителями социокультурных обычаев и традиций. В механизме функционирования обычаев и традиций одновременно существуют старое и современное, идут отбор традиций, их преобразование, возникновение новых традиций, включение их в процесс формирования в будущее. Вокруг этого неизбежно возникают противоречия, трудности, так как общие диалектические законы общечеловеческого развития происходят в борьбе нового со старым, передового с устаревшим.

Например, в некоторых республиках Средней Азии и Казахстана родилась система отношений, когда руководители регионов, упиваясь властью, опирались на феодально-байские и родоплеменные отношения, на старые обычаи и религиозные обряды. Вседозволенность должностных лиц породила беспрекословное подчинение, соглашательство, идолопоклонство, подхалимство, угодничество. Это критерии некоторых личностей застойного периода, порождение командно-административной системы.

Такие общечеловеческие нравственные нормы семейно-бытовых традиций народов Средней Азии и Казахстана, как уважение и почитание старших, скромность и гостеприимство, были использованы данной системой в конкретных целях. Процветали коррупция, взяточничество и подбор кадров по родоплеменному признаку. Вот те негативные традиции, возникшие в результате определенного исторического периода, которые отрицательно отражаются в социальном портрете личности.

Слепое преклонение перед традицией порождает консерватизм и застой общественной жизни. Разнообразны мотивы самоубийств и самосожжений среди молодежи Средней Азии. На первый взгляд корни этих трагедий уходят глубоко в архаические обычаи и традиции, беспрекословное подчинение родите-

лям, соглашательство в отношениях со старшими, совместное проживание с родителями и т.д., порождают растерянность и пессимизм среди молодежи.

В связи с этим заслуживает внимания следующее высказывание одного из прогрессивных исследователей древней культуры Генриха Шурца: «Нравы и обычаи составляют, так сказать, скелет общества; еще удачнее можно их сравнить с твердой скорлупой, облегающей тело рака и других ракообразных, служа защитой и вместе с тем поддержкой мягким частям. По мере того, как тело растет или стремится принять иной внешний вид, твердая скорлупа становится препятствием к развитию, и все сильнее испытывает чувство болезненного стеснения, пока, наконец, упрямая скорлупа не лопнет под натиском, но тотчас же образуется другая скорлупа, лучше приспособленная. Главная причина застоя примитивных народов в том, что скорлупа стесняет их развитие, а они не умеют разбить ее»⁶.

Мы не ратуем за возрождение всех без исключения обычаев и традиций в семейно-бытовой сфере, которые стесняют внутреннюю свободу личности. Народы живут по соседству, и обычаи, традиции взаимодействуют в жизни этих народов. Но архаические обычаи и традиции не изжиты и поныне, что требует глубокого анализа причин их долголетия.

Преодоление отдельных негативных элементов традиций затрудняется тем, что в сознании человека они выступают как неотъемлемые компоненты атрибутов присущих народу, нации. В этих случаях необходим тщательный анализ чисто этнического содержания традиций и отделение его от негативных бытовых наслоений, которые можно успешно преодолевать без ущерба для самосознания этноса.

Прогрессивная преемственность есть продукт интернационализации традиций различных национальных культур, что предполагает не механическое суммирование качеств и свойств, характеризующих этническую культуру отдельных наций, а прогрессивное преобразование всей совокупной системы данной этнической культуры с учетом социально-исторической и культурной динамики ее развития. Следовательно, при рассмотрении ее на современном уровне необходимо учитывать не только единство и общность тех или иных традиций и обычаев, но и их

⁶ Шурц Г. История первобытной культуры. Вып. 1, М., 1923. С. 209.

различия, причем даже в тех случаях, когда речь идет о народах, этнически близких друг к другу.

Традиция цементирует общественные и межличностные связи народа, его нравственный опыт. В первобытном обществе постоянно повторялись действия, которые вызывались условиями жизни людей, приобретали характер традиций. Они превращались в устойчивые правила поведения всех членов рода, без исключения.

При решении многих вопросов быта и общественной жизни далекие предки, не знавшие еще частной собственности и эксплуатации человека человеком, государственной организации, поступали так, как было заведено с давних пор в данном роде, в данной общине. Это и было традицией.

Поскольку материальные условия жизни народа находятся в постоянном развитии, нет и не может быть вечных, постоянных и неизменных традиций, отражающих эти условия. Одни народные традиции и обычаи сохраняются долгое время, почти без серьезных изменений, даже при смене общественно-экономических условий, некоторые из них, обогатившись новым содержанием, меняют форму проявления в соответствии с изменившимися условиями, другие, отжившие свой век, уступают место новым.

Однако некоторые устаревшие традиции и обычаи соблюдаются людьми в силу старой привычки, и даже тогда, когда причин, породивших их, уже нет.

Новый подход к проблемам нравственной культуры, традиций и обычаев требует учитывать то, что в них выражается и воплощается родовая сущность человека, выходящая за пределы непосредственно данных исторически конкретных общественных отношений. Иначе говоря, в традициях и обычаях присутствует всеобщее начало — то, что выделяет людей как существ, единственно способных быть субъектами — творцами и восприимчивыми духовных ценностей. Поэтому нравственный прогресс невозможен без усвоения и дальнейшего развития тех запасов знаний и традиций, которые выработаны человечеством.

Каждое новое поколение, вступая в жизнь, застает уже готовые, сложившиеся традиции, взгляды, идеи и установки как передовые, так и устаревшие, не оправдавшие себя, действующие на его сознание. Поэтому изменение условий материальной жизни общества и соответствующих им общественных

отношений не сразу и не полностью получает адекватное отражение в сознании общества, всех его членов. Для перевоспитания людей, для изменения их традиций и обычаев требуется несравненно больше времени, чем для замены одного общественного строя другим. Задача воспитания и перевоспитания, выработки новых традиций в общественной практике, привития новых форм морали во много раз труднее, чем завоевание власти.

Новые традиции общества не могут создаваться на пустом месте, без исторической базы, вне связи с традициями предшествующей эпохи. Традиция каждой новой эпохи или общественной формации опирается на уже достигнутые завоевания прошлого.

История общества есть ничто иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями. Каждое новое поколение имеет дело с наследием прошлого. Поэтому традиции можно рассматривать как один из конкретных путей удержания прошлого опыта практики, навыков.

Традиции передаются от поколения к поколению, как общепринятое, проверенное прошлым опытом, призванное необходимым для обеспечения дальнейшей жизнедеятельности. *Традиция* – это опора, урок, трамплин, чтобы идти дальше.

Важную роль в процессе взаимодействия традиций и личности играет общественное мнение, от которого зависят само существование и стабильность общества. Нами в рамках разработки научно-исследовательского проекта «Изучение национально-культурных проблем Павлодарской области» проведены социологические исследования по вопросам изучения национально-культурных проблем и гармонизации межнациональных отношений на территории области. Опросом были охвачены все районы Павлодарской области. Кроме того, анкеты были розданы национально-культурным центрам, которые входят в Малую Ассамблею народов Казахстана: азербайджанскому обществу «Ватан», культурно-просветительному обществу немцев «Возрождение», украинскому центру национальной культуры им. Т.Шевченко, обществу поляков «Полония», обществу армянской национальной культуры «Айреник», татаро-башкирскому, корейскому, чечено-ингушскому, чувашскому национальным цен-

трам (автор исследования организовал и бессменно возглавляет чувашский национально-культурный центр с 1995 г.).

Всего было опрошено 1100 человек, их них 62% составляют казахи и русские, 38% или 361 человек – другие национальности. Состав респондентов по половому различию, образовательному уровню, основным социально-профессиональным категориям репрезентативен.

На вопрос: «Знакомы ли Вы с обычаями и традициями своего народа?» – из всех опрошенных 935 человек (65%) дали положительный ответ. Из перечисленных малых народностей знакомы с обычаями и традициями 259 человек (68%). Незнакомы с обычаями и традициями своего народа 77 респондентов (7%). Из малых народов области – незнакомы 57 человек (15%). Затруднились с ответом 38 человек (3%), из малых народов – 65 человек (17%).

В основном также положительными были ответы на следующий вопрос анкеты: «Соблюдаете ли Вы свои национальные обычаи и традиции?» Из всех опрошенных 770 человек (70%) ответили «да», 165 человек (15%) ответили «нет» и столько же респондентов затруднились с ответом. Из малых народов, входящих в Малую Ассамблею, положительно на этот вопрос ответили 230 человек (60%), отрицательно – 69 человек (16%). Затруднились с ответом 62 респондента (22%).

Интересным и актуальным был следующий вопрос анкеты: «Используете ли Вы обычаи, традиции своего народа в нравственном воспитании детей?». Из всех опрошенных 649 человек (59%) ответили «да», 242 человека (12%) – «нет», 209 человек (19%) затруднились с ответом». Из малых народов на этот же вопрос положительно ответили 224 человека (59%), отрицательно – 101 человек (27%), затруднились с ответом 56 человек (14%).

Социологические исследования показывают, что народы акцентируют свое внимание на национальной духовной культуре, выражающейся в желании следовать национальным традициям и обычаям в нормах взаимоотношений в семье между поколениями, в желании и стремлении использовать свои обычаи и традиции в нравственном воспитании детей.

Таким образом, прогрессивные национальные обычаи и традиции способствуют развитию общечеловеческих черт личности, которые необходимо развивать для достижения взаимопонима-

ния между людьми разных национальностей. Национальные традиции и обычаи взаимодействуют и взаимообогащаются, они схожи у многих народов мира. Все более актуальными становятся общечеловеческие ценности. Через идентификацию с человечеством человек приходит к подлинному осознанию своей индивидуальности и, наоборот, приобщение к ценностям возможно лишь через полное выражение своей самобытности. Поэтому взаимодействие обычаев и традиций, их диалог представляют собой наиболее благодатную почву для осознания и самого знания нравственной культуры личности.

Прогрессивные обычаи и традиции народов служат социальному прогрессу общества и каждой отдельной личности, выступают одним из факторов становления нравственной зрелости человека. Народные обычаи и традиции, родившиеся в прошлом, с одной стороны, обогащаются новым содержанием под воздействием всей системы общественных отношений, а с другой – складываются новые, общие для всех наций интернациональные обычаи и традиции. Изменение характера национальных традиций и развитие межнациональных традиций является общей закономерностью. Характерная особенность народных нравственных традиций – взаимодействие в них национального и общечеловеческого факторов.

Нравственные нормы не следует понимать как предписания, работающие по скользящему режиму. Во-первых, они фиксируются в формах консервативных стереотипов поведения, в силу чего обладают заметной инерционностью, и, во-вторых, они настолько гибки, чтобы не подстраиваться под общеизвестные формы общественного мнения и вместе с тем и общечеловеческие нормы поведения.

Перенос рациональных стилей мышления и поведения от старого режима к новому, хотя и продуцирует различные конфликты, но в целом осуществляется в условиях толерантности, отвечающей интересам общественного прогресса.

1.2. Преемственность и социальные функции нравственных традиций

Историческая преемственность является объективным законом развития общества. Человеческое общество не может нормально существовать, если отсутствует преемственность. Пре-

емственность «делает» человека человеком, без нее он теряет подлинное человеческое лицо. Перерыв или «разрыв» в этой преемственности в условиях российской действительности привели к искаженным результатам, которые были обусловлены Октябрьской революцией и послеоктябрьским периодом, Великой Отечественной войной.

В этом разделе мы анализируем единство, взаимосвязь преемственности с социальными функциями нравственных традиций. Логика работы обязывает нас, чтобы вначале мы выяснили природу такого явления, как преемственность.

Каждый новый этап в историческом развитии нравственности, отрицая предшествующий, необходимо включает все прогрессивное, что приобретено на предшествующих ступенях. Человечество, поднимаясь со ступени на ступень по лестнице исторического прогресса, не создает каждый раз заново свою нравственную культуру, а опирается на ранее достигнутые результаты. Поэтому невозможно вычеркнуть из истории нравственной культуры ни один ее этап, ибо каждая предшествующая фаза развития оказывает влияние на последующую.

Вследствие этого все актуальнее становятся вопросы: 1. Как нужно относиться к нравственному наследию? 2. Что следует брать из сокровищницы духовной культуры? 3. Каким образом использовать ценности, созданные в далеком и близком историческом прошлом?

Лишь подход, учитывающий единство и противоречие исторического и логического, традиционного и нового, может дать объективную картину и вскрыть основные движущие силы развития нравственных традиций. Ведь степень усвоения отдельным человеком общечеловеческой морали в значительной степени определяется тем, насколько он способен видеть в лучших художественных достижениях прошлого источник формирования своего собственного сознания, насколько он способен объективно понять исторические этапы становления общества, определить и вычленил из всего многообразия общественных процессов прошлого те, развитие которых способствовало становлению нравственной культуры современного ему общества. Необходимо подчеркнуть при этом, что речь идет не о стороннем созерцании отдельным индивидом исторических этапов развития, а об осознании их, вхождении в них с тем, чтобы преобразовать и обогатить собственную личность духовными дос-

тижениями предыдущих поколений, ибо в процессе развития общества нравственная культура выступает в качестве социального «кода» наследования.

Максимальное освоение нравственных ценностей прошлого, причем не только отдельными людьми, а обществом в целом, является, таким образом, необходимым условием и важнейшей предпосылкой дальнейшего совершенствования этики как философской теории нравственности.

Преемственность — это связь между различными этапами или ступенями развития не только материального, но и духовного бытия. Сущность ее состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, то есть при переходе его из одного состояния в другое, связывая настоящее с прошлым и будущим, преемственность тем самым обуславливает устойчивость целого.

В плане решения основного вопроса философии история духовной культуры есть история развития и совершенствования на основе социально-экономических изменений, происходящих в сфере материального производства. Духовное производство вторично, а материальное первично. Если мы попытаемся в самом общем виде представить механизм совершенствования, объективную тенденцию прогрессивного развития, то она оказывается ничем иным, как диалектическим единством двух взаимосвязанных моментов. С одной стороны, каждое новое поколение никогда не начинает с пустого места, оно осваивает нравственные ценности, которые накоплены предшествующими поколениями. В акте теоретического усвоения и практического освоения (овладения) традицией предшествующих поколений, «закодированном» в нравственных понятиях и ценностях, происходит консолидация исторически накопленных нравственных традиций. Извлекая из нравственных ценностей прошлых эпох сконцентрированную в них творческую энергию человеческой мысли и труда, люди имеют возможность превратить ее в свое сегодняшнее достояние и, более того, сделать активной силой для новых шагов вперед. С другой стороны, эти усвоенные нравственные ценности, полученные в наследство от прошлых эпох, оказываются для тех, кто их осваивает, лишь материалом для нового производства, для производства все новых и новых нравственных ценностей.

Следовательно, в двуедином процессе нравственного развития общества момент преемственности нельзя рассматривать как сумму механически сложенных сторон, а как момент создания нового качества, новых нравственных ценностей. Именно необходимость сохранить и удержать достигнутые результаты заставляет человечество одновременно и отбрасывать старые элементы и закреплять позитивные достижения нравственной культуры прошлого. В свою очередь, формирование новых нравственных ценностей зачастую продиктовано именно стремлением удержать те ценности прошлого, которые сохранили свое значение и для новых поколений. Для того чтобы не лишиться плодов созданной уже нравственной культуры, люди вынуждены критически оценивать мыслительный материал, накопленный предшествующими поколениями, время от времени подвергать его радикальному пересмотру, создавать новые, качественно иные, соответствующие изменившейся исторической ситуации, нормы нравственности.

Историческая преемственность в области нравственной культуры соответствует объективным закономерностям, присутствующим самой познавательной деятельности человека, в основе которой лежит общественно-историческая практика. С точки зрения лишь саморазвития идей невозможно объяснить, почему в различные исторические эпохи появляются и господствуют различные представления, например, о добре и зле, справедливости и несправедливости, точно так же, как нельзя объяснить причин замены одних нравственных критериев другими, причин их возникновения в одни исторические эпохи и крушения в другие.

Все формы общественного сознания, как известно, находятся в теснейшем взаимодействии, что неизбежно отражается в изменении соответствующих общественных учреждений, а также в постановке всего образования и воспитания. Но это значит, что нравственная культура не только зависит от развития материальной жизни общества, но сама, в свою очередь, оказывает весьма активное обратное воздействие на ее развитие.

Подлинно творческая деятельность отличается от простого репродуцирования тем, что она невозможна без освоения нравственного наследия прошлого. Творчество предполагает подлинное освоение нравственных ценностей прошлого, на основе которого только и возможно создание новой нравственной культуры.

Развитие нравственности вообще невозможно без творческого освоения старого, положительного, поскольку одно лишь репродуцирование еще не создает нравственной ценности. Последняя всегда есть нечто иное, как единство традиционности (как проявление обезличенного творчества массы предшественников) и уникальности новизны, вносимой современной эпохой.

Нравственное наследие — одна из важнейших категорий социальной философии. Будучи неразрывно связанной с целым рядом других категорий (нравственные ценности, традиции, обычаи и т.п.), это понятие имеет свой собственный объем, содержание и значение. Категория нравственное «наследие» работает только применительно к процессам, происходящим обычно в области духовной культуры, то есть намного уже по своему объему от категории «преемственность», которая имеет общеполитический характер. Кроме того, понятие «преемственность» выражает объективную связь явлений, в то время как понятие «наследие» предполагает теоретическое осознание консервативности прошлого, то есть критическую оценку оставшихся от прошлых поколений нравственных ценностей.

Если преемственность носит объективный характер, то отсюда следует вывод, что независимо от желания людей в нравственной культуре каждой новой эпохи содержатся такие компоненты, которые, будучи программными, неизбежно входят в поведение нового поколения, а также компоненты, которые могут оказаться не только бесполезными, но даже и вредными для общественного прогресса. Суть процесса наследования и состоит в том, чтобы, осознав встающие перед обществом задачи (степень этого осознания в разных исторических периодах различна), критически отнестись к тем или иным проявлениям преемственности. Нравственная культура каждого нового поколения, каждой новой исторической эпохи всегда преемственно связана с нравственностью прошлых исторических эпох. Но это не означает, что все созданное в процессе нравственного творчества прошлых поколений принимает форму объекта наследования в нравственной культуре новой исторической эпохи.

Таким образом, нравственное наследие, рассматриваемое в контексте развития, не есть нечто неизменное: нравственная культура любой исторической эпохи всегда, в каждый данный момент и включает нравственное наследие, и творит его. Возникающие сегодня нравственные связи в создаваемые нравствен-

ные ценности, вырастая на почве освоения определенного нравственного наследия, завтра сами превращаются в составную часть этого наследия, передающегося новому поколению.

Итак, *нравственное наследие* – это совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох нравственных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности и объективными критериями общественного прогресса.

Развернутый теоретический анализ преемственности на основе диалектической концепции развития впервые был проведен Гегелем. Разрабатывая закон отрицания, он дал глубокую постановку вопроса об объективной необходимости преемственности в процессе развития, первым в истории философии обосновал вывод о закономерности преемственности в процессе снятия. «Снятие, – писал Гегель, – есть некое вместе с тем и сбереженное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но отнюдь не уничтожено вследствие этого»⁷. Отсюда вытекает важнейший вывод, к которому пришел Гегель: диалектически понятое отрицание предполагает не только отмену, разрушение, уничтожение старого, но и сохранение, удержание и развитие этого рационального, что было уже достигнуто на предшествующей ступени развития. «...Удержать положительное в его отрицаемом, содержание предпосылки в ее результате, вот что есть самое важное в разумном познании»⁸, – отмечает он. Далее, уточняя эту проблему, Гегель подчеркивает: «На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собою все приобретенное, и обобщается, и уплотняется внутри себя»⁹.

На протяжении всей истории развития нравственной культуры каждая новая историческая ступень возникла из отрицания предшествующей, порой без учета того, что она во многом опосредуется ею, обязана ей своим существованием.

⁷ Гегель Г.В. Наука логики. Соч. Т. 5. М., 1937. С. 99.

⁸ Там же. С. 307-308.

⁹ Там же. С. 212.

Этим и объясняется то, что зачастую происходило вульгарное отрицание прошлого, по поводу чего Гегель писал: «Другое есть по существу не пустое отрицание, не ничто... а другое первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как опосредованное, вообще содержит внутри себя определение первого. Тем самым, по существу, также сберегается и сохраняется в другом. Удержать положительное в его отрицаемом, содержание предпосылки в ее результате — вот что есть самое важное в разумном познании»¹⁰.

Диалектика вскрывает в преемственности механизм самого развития применительно к объектам, в которых уже выделены внутреннее строение, структура. Безотносительно к структуре объекта можно говорить только о простом воспроизведении или уничтожении. В таких ситуациях нет основания для применения категории преемственности. Когда же структура объекта зафиксирована, сопоставление двух ее различных состояний позволяет обнаружить, какие элементы и связи видоизменялись, а какие сохранились, то есть преемственно перешли в новое состояние.

В зависимости от типа изменений объекта содержание преемственности может быть различным. Поэтому возникает необходимость выделить и разграничить основные формы преемственности. Поскольку основные типы развития — это эволюция и скачок (количественные и качественные изменения), то необходимо выделить, прежде всего, преемственность на одном уровне, наблюдаемую в процессе изменений, происходящих в рамках данного, относительно неизменного качества, и преемственность на различных уровнях, связанную с изменениями качественными.

При количественных изменениях, когда основное содержание преемственности составляет сама структура, сохраняется, удерживается организация объекта. При качественных изменениях, когда структура объекта, так или иначе, видоизменяется, содержанием преемственности являются лишь отдельные элементы, составляющие связи первоначально данного объекта. В соответствии с этим в процессе количественных изменений именно преемственность структуры является определяющей чертой развития, тогда как в процессе качественных изменений определяющей чертой развития является преобразование

¹⁰ Гегель Г.В. Наука логики. Соч. Т. 5. М., 1937. С. 212.

структуры, а преемственность выражается в том, что каждый последующий этап содержит в снятом виде структуру предшествующего этапа. Такое диалектическое снятие может выступать либо в форме преобразований структуры (в этом случае порядок организации остается прежним), либо в форме перехода к организации нового порядка (начальная структура включается в структуру последующего уровня как один из ее моментов, подчиненных ей).

Характеризуя преемственность как удержание положительного содержания элементов структуры прошлых состояний, ряд авторов отмечают, что в развитых состояниях в ядро явления должны входить (в снятом, подчиненном, преобразованном виде) элементы и структурные соотношения прошлых стадий развития. Первая стадия этого движения – стадия «отрицания», во время которой структура призвана обеспечить развитие лишь части первоначально данных элементов. Следующая за ней стадия «отрицание отрицания» обеспечивает развитие всех элементов явления как целого.

Воссоздание на стадии второго отрицания общих черт структуры первого состояния может быть объяснено именно тем, что сохраняются и как бы воспроизводятся в измененном, преобразованном, развитом виде основные элементы первоначального явления, и эти элементы требуют своей структуры. Развитие структуры в этом случае обусловлено развитием и обогащением как первоначальных элементов, так и, прежде всего, возникновением новых.

В процессе такого развития обнаруживается не только воспроизведение старого, взаимосвязи и взаимопереходы различных, ранее существовавших объектов, но и два направления изменений: прогрессивного и регрессивного порядка. *Прогрессивному развитию* присущи включение первоначально данного (низшего) и подчинение первоначального последующему. Для регресса характерно обратное – подчинение высшего низшему, что низводит это развитие к деградации. Правомочным поэтому будет ввести разграничение этих двух типов.

Сущность поступательной преемственности состоит в сохранении и развитии на качественно новых уровнях положительных результатов, достигнутых на предыдущих этапах развития. Таким образом, поступательная преемственность является необходимым условием всего общественного прогресса.

Для анализа преемственности в развитии нравственной культуры существенное значение имеет тот факт, что потребности в данной области духовной культуры отнюдь не ведут к аннигиляции соответствующих моральных ценностей, к их исчезновению. Напротив, одни и те же нравственные ценности не только могут служить человечеству на протяжении веков, приобретая общечеловеческое значение, но и, более того, в процессе использования зачастую способны обрастать новыми образованиями, находить новые приложения, и, как следствие, прогрессировать в своем значении.

На протяжении веков постоянно происходит возрастание нравственного наследия в деятельности того или иного народа не только в силу естественного роста самого объема моральных ценностей, но и в силу действия целого ряда социальных причин. Эти процессы взаимосвязаны: чем большую роль народ играет в развитии нравственной культуры, чем более непосредственна его деятельность в этом направлении, тем большее значение приобретает нравственное наследие. И, наоборот, все более активное освоение моральных ценностей делает нравственное творчество народных масс более непосредственным по характеру, более масштабным по объему, более весомым по значению.

Тенденция изучения своего прошлого позволяет глубже понять современность, острее почувствовать ее актуальные проблемы. Мысль эту очень хорошо выразил один из известных исследователей древнерусской литературы академик Д.С.Лихачев: «Мы должны поставить памятники культуры прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками... Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры — развитие, понимание культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность»¹¹.

Итак, преемственность дает возможность новым поколениям вобрать в себя и развивать все лучшее, что было создано предшествующей историей человечества, обогатив в новых условиях многообразие нравственных ценностей общества.

¹¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской культуры. Л., 1967. С. 335-336.

После наших рассуждений о нравственных традициях и премущественности мы сможем сформулировать основные их функции. В первую очередь необходимо заметить, что глубина и степень действия функций традиций в разные исторические эпохи были неодинаковы. Но люди с ними считались как с неписаной Библией народа.

В образе жизни людей нравственные традиции выступали вместе и выполняли определенные социальные функции. Социальные функции можно отнести к разряду духовных ценностей. Социальные нормы, выраженные в традициях, проходя через обыденное мировоззрение, и, закрепившись в нем, выступали мощным средством регуляции поведения человека и коллектива людей. В жизни человека практически не было таких видов деятельности, которые не регулировались бы с помощью разнообразных и различных по значимости и важности социальных норм. Традиции выступали в качестве своеобразного «моста», соединяющего все проявления поведения человека в семье, коллективе, обществе в связи с какими-то событиями и явлениями. Действительно, люди, выполняя те или иные обрядовые ритуалы, регулировали свое поведение и соблюдали особые нормы, присущие только этому событию. В это время они никакой другой деятельностью не занимались, так как иные действия, иное поведение людей осуждались общественным мнением.

Традиции в своей совокупности образуют специфический механизм ценностно-нормативной ориентации и управления поведением людей. Такая система представляет собой совокупность идей, взглядов, принципов, ценностей и норм, которые активно воздействуют на формирование и практическую реализацию всех качеств человека, на его образ мыслей и характер поведения.

Функционирование различных традиций в жизни этноса осуществлялось не стихийно. Всегда кто-то из старших, то есть человек более опытный и знающий, руководил, строго соблюдая традиционные обряды и ритуалы. Как и для старшего поколения, так и для молодежи выбор личного стиля жизни («стиль жизни» — это реализация на практике принципов «концепции жизни») является важной проблемой. В выборе личного стиля жизни были заинтересованы общество в целом, коллектив, семья. Традиции, выполняя нормативные функции, утверждали и воспроизводили в сознании людей общепринятые эталоны пове-

дения. Регуляция поведением человека в жизни наших предков имела универсальный характер, так как человеку необходимо было соблюдать общепринятые нормы жизни и поведения. Итак, традиция выступала в качестве социальной нормы.

Слово *норма* в русском языке выражает такие понятия, как «мера» и «правила». Норма – это при всех условиях граница, предел, особые рамки. Норма-правило, норма-мера призваны обеспечивать сохранность и жизнедеятельность чего угодно: семьи, коллектива, общества, человеческих взаимоотношений. В этом плане они выступали в качестве закона развития, функционирования и управления социальными процессами, то есть нормы-правила оберегали жизнь наших предков от хаоса и разложения, выполняли функцию систематизации и упорядочения их жизни. Следовательно, в нормативном аспекте традиции представлялись не как слепая необходимость, а как осознанная необходимость, поэтому они должны были быть непременно социально санкционированными в качестве «нормы».

Традиции, выполняя функцию закона управления системой общественных отношений, регулировали настоящее и будущее поведение людей прошлым выполнением приказов¹². Будучи социальной нормой, традиции, являлись своеобразным приказом для системы человеческих отношений. Опираясь на прошлую память людей, традиции, нормы-правила, выполнялись из поколения в поколение. Необходимо отметить, что регулятивная роль традиций усиливалось тем, что в них органически соединялись эмоции, настроения, чувства, воля, стереотипы поведения и убеждения конкретной общности людей. Их действие через эмоции, представления способствовали быстрому проникновению этих норм в сознание человека. На основе чувств и утвердившихся стереотипов поведения традиции являлись устойчивыми регуляторами группового поведения, особым свойством групповой, национальной психологии, то есть они участвовали в формировании психологии этноса.

Традиции обеспечивали устойчивость изменяющихся и развивающихся отношений в образе жизни этноса, ибо без устойчивости немыслимо существование самого этноса. Обеспечивая устойчивость, они стабилизировали жизнь этноса, служили не-

¹² См.: Платов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982. С. 69.

пременным условием их общественного бытия. Облекаясь в форму массовых привычек, поддерживаемых силой общественного мнения, традиции обретали огромную устойчивость, становились своего рода хранителями, механизмом передачи образа жизни старших молодому поколению. Это качество традиций сыграло выдающуюся роль в истории существования этноса. Общественные отношения воспроизводились в жизни последующих поколений по прочно утвердившимся в веках шаблонам деятельности на основе соблюдения новыми поколениями обычаев и традиций своего народа.

Традиции выполняли функцию фиксации общественных отношений, то есть с точки зрения времени, они фиксировали настоящее и прошлое общественного развития. На каждом новом историческом этапе общественные отношения не только изменялись, обновлялись, но и сохранялись, повторялись, репродуцировались. Происходило своеобразное воспроизводство прошлых общественных отношений в настоящих и будущих образах жизни наших предков. Каждое новое поколение имело возможность как бы перенестись вглубь веков, пережить то, что было в прошлом.

Устойчивость традиций, их неискоренимость были поистине универсальным средством для сохранения и передачи детям стиля жизни отцов и дедов, и при этом обеспечивали связь поколений. Со времени появления мыслящего, разумного человека сменилось примерно 1600 поколений людей. Каждое новое поколение формировалось и воспитывалось в процессе трудовой, бытовой, семейной жизни, как бы «находясь в плену» вековых традиций, обычаев.

Упорядочивающая или системообразующая функция традиций регулировала образ жизни наших предков, сохраняя его устойчивость, то есть эта функция сопротивлялась и отвергала хаотические, бессистемные, неорганизованные случайные общественные процессы. Эту функцию называют самой главной, сущностной. Повторяясь бесчисленное множество раз, те или иные рациональные моменты в жизнедеятельности наших предков избегали и устраняли разнообразие, вызванное случайными явлениями и событиями, закрепляли более или менее единообразное поведение людей, что, в свою очередь, способствовало возникновению конкретных традиций.

Сохранительная функция традиций тесно связана с функциями упорядочивания и интегрирования. Французский социолог Э.Дюркгейм писал, что «обычаи представляют собой правила, которые люди находят готовыми в обществе и которые побуждают, регулируют поведение. Наказание, следующее за нарушениями обычая, представляет собой охранительное средство, помогающее сохранить единство групп»¹³. Естественно, в истории тюркоязычных народов как и в истории любых других народов, были и наказания за нарушение традиций, но самое главное не в наказании, а в том, что они сохраняли единство общности наших предков, объединяли и защищали эту общность от ее распада.

Следующая функция традиций – это обеспечение социальной связи. Эта функция сама по себе стихийно не существует и не реализуется. Эта связь осуществлялась посредством деятельности людей, то есть представители того или иного этноса, подчиняясь традициям, под руководством авторитетного лица воспроизводили свой прежний образ жизни. Они сохраняли и оберегали свой уклад жизни от распада и хаоса и «связывали» жизнь людей в нечто целое и неразрушимое. Эта связь может касаться в целом судьбы этноса или коллектива людей, родственных и неродственных связей и отношений, необходимых в сохранении например, чувашей или других народов, в качестве этноса в трудовой деятельности, в защите своей свободы, национальных интересов или во время праздников, в траурные дни. Социальная связь реализовывалась в поведении, поступках людей, обеспечивалась механизмом «следования традициям», «соблюдения обычая». Следуя традициям, наши предки становились социально причастными не только к тому или иному сообществу, но и в своей повседневной жизни укрепляли единство этноса, приобщались и сохраняли родственные или дружеские связи во всех сферах человеческой жизни. Народная пословица поучает: «В каком народе живешь, того обычая и держись».

Информационная функция традиций раскрывала следующее качество исследуемого нами феномена. Традиции являлись специфическим средством накопления, хранения и передачи соци-

¹³ Дюркгейм Э.О. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 86. Цит. по кн. В.Д.Плахова. Традиции и общество // Опыт философско-социологического исследования. М., 1982. С. 100-101.

альной информации, то есть речь идет о способности традиции аккумулировать социальный опыт людей. На уровне социальной формы движения материи информация в общем виде может быть представлена как социальный опыт. Если бы традиции не обладали способностью накапливать и сохранять опыт общественного развития, то люди каждый раз строили бы свои отношения заново. В собственном смысле слова традиция означает *передачу*. Мы часто употребляем выражение: «перешло по традиции», «досталось по традиции» и т.п. В судьбе этноса традиции сыграли выдающуюся роль в сохранении социального опыта, так как наши предки не могли фиксировать письменно свой жизненный опыт, житейскую мудрость.

Принято считать, что в традициях закрепляется лишь прошлый социальный опыт людей, накопленный предыдущим поколением, и делается упор на передачу этого опыта следующему поколению. Сущность традиций не ограничивается сохранением и передачей прошлого опыта. Традиции содержат и настоящий опыт, что позволяет рассматривать их как явление, изменяющееся и развивающееся, и как связующее звено между прошлым и настоящим, а также настоящим и будущим. Социальный опыт людей существовал в форме общественного сознания (мы говорим: «в памяти народной») или в виде каких-то предметов, изделий, или обрядов, связанных семейными и иными традициями. Все они аккумулируют в себе какую-либо информацию.

Традиции в качестве средства трансляции социального опыта существовали и будут существовать ровно столько, сколько и само человечество. На протяжении истории менялся механизм передачи знаний и опыта, заложенных в традициях. С появлением и возрастанием печатной продукции в виде книг, журналов и газет, а также радио и телевидения роль традиций как механизма передачи социального опыта в форме непосредственного общения, обучения навыкам и т.д., будет снижаться.

Традиции выполняли интеграционные функции, то есть они служили социальной основой объединения людей в то или иное сообщество. Соблюдая и следуя этим нормам-правилам и верованиям, наши предки объединялись в определенную общность. Они не только обязывали, на наш взгляд, и «связывали» наших предков в нечто целое, единое, которое мы называем *этнос*. Поэтому в известном смысле в становлении народов, их функцио-

нировании и сохранении мы обязаны традициям. Когда интересы людей более или менее совпадают, то они «связываются», стабилизируются и объединяются в определенную общность. В традициях выражались общие интересы, поэтому индивид подчинил себя этой общности (общенародной, сельской, семейной, родственной).

Вышеназванные функции имели прямое отношение к проблемам воспитания человека. Из всех функций, выполняемых ими, нам кажется, самое главное и основное — это воспитание человека. Наши предки очень умело и всесторонне пользовались этим свойством традиций. *Воспитание* — процесс воздействия человека с целью формирования определенных качеств. Во все времена оно было и остается необходимым условием для воспроизводства образа жизни общества, а также отдельного человека. Воспитание являлось постоянным спутником общества. Традиции-привычки, как специфические духовные образования, помогали нашим предкам в воспитании своих детей и внуков. Настоящая нравственная норма становилась привычкой только тогда, когда она переходила в обычаи и традиции.

Традиции ориентировали человека на осуществление таких видов деятельности, без которых наши предки не смогли бы жить и выжить. Они учили, как вести себя в тех или иных ситуациях, переживать, держаться в коллективе своего рода и относиться так, а не иначе к его членам. Поэтому традиции и обычаи оказали заметное влияние на уклад жизни отдельных людей, целых поселений и этноса в целом. Вышеназванные социальные функции традиций, все без исключения, в той или иной степени, проявлялись в образе жизни этноса.

Какова связь между традициями и общественным мнением в образе жизни этноса? Во-первых, между ними существовала тесная связь, так как определенные формы поведения и общения людей, поддержанные общественным мнением, закреплялись в традициях. Возникшая традиция выступала в качестве опоры для формирования и функционирования нового общественного мнения. Традиции, по сравнению с общественным мнением, имели большую самостоятельность и влияние, так как за ними стоял авторитет прошлых поколений.

Во-вторых, общественное мнение имело огромный авторитет в образе жизни этноса. Оно выполняло регулятивную функцию, так как в нем публично оценивалось поведение отдельного че-

ловека, социальных групп. Они не могли не считаться с оценкой, которая выражена в общественном мнении. Оно предписывало людям определенный образ действия через одобрение и порицание.

В-третьих, общественное мнение и традиции в жизни этноса включалось в систему социального регулирования как специфический вид информации для подрастающего поколения, которое испытывало не только влияние этих регуляторов, но и само не оставалось пассивным и активно участвовало в духовно-практической жизни общества.

В-четвертых, регулятивная роль традиций, общественного мнения объясняется еще и тем, что они связаны не только с конкретным содержанием деятельности людей, но в то же время через обряды и ритуалы они раскрывали формы, способы осуществления их жизнедеятельности в тех или иных жизненных ситуациях.

В-пятых, общественное мнение и традиции выражали в едином психологическом сплаве убеждения, волю и чувства людей. В диалектике общественного мнения и традиций общее умонастроение, мнения людей неизбежно передавались другим людям, создавая специфическое психологическое состояние их сознания. В системе этой диалектики наиболее устойчивыми и действенными являлись те социальные регуляторы, которые захватывали не только сферу чувств, но и сферу разума, то есть в их сознании возникало логическое обоснование суждений, позиций и отношение людей в процессе их жизнедеятельности.

В-шестых, возникнув, традиции приобретали некоторую самостоятельность по отношению к породившим их условиям. Но они нуждались в поддержке со стороны общественного мнения. Такова диалектика общественного мнения и традиций. Итак, важнейшими социальными регуляторами образа жизни этноса выступали социальные нормы, выраженные в общественном мнении, традициях. В совокупности они составляли определенную систему, обеспечивающую их жизнедеятельность.

Необходимо отметить, что преемственность не сводится к прямолинейной смене одних традиций другими. На стыке перехода общества от одного социально-экономического режима к другому происходят столкновения, конфликты между ре-

лигиозными стереотипами поведения и нравственными традициями.

Хотя в интервале времени смены традиций и складываются ситуации неопределенности, отсюда не следует никакой трагедии. Согласно принципу соответствия, в условиях победы новых традиций старые выступают лишь как предельные случаи в рамках нового режима.

Наличие преемственности между старыми и новыми традициями означает, что целый ряд параметров старого не отменяется, а сохраняется в рамках нового.

1.3. Категории общего, особенного и единичного в анализе национального и интернационального в нравственных традициях

Логика нашей работы требует выяснения таких категорий материалистической диалектики, как, например, общее, особенное и единичное для анализа национального и общечеловеческого в нравственных традициях. Вышеназванные категории являются методологической основой для исследования поставленной проблемы.

Человеческое общество есть конкретное единство общего и особенного, выступающее как диалектическое противоречие во всех проявлениях социального развития. Диалектика общего и особенного пронизывает весь исторический процесс. Здесь нет особенного вне общего, а общее проявляется через особенное. Общественно-историческая практика подтверждает, что нравственные традиции как всеобщее «социокультурное» явление проявляются по-особенному, в различных формах с различными модификациями в зависимости от места и времени. Реальная человеческая жизнь отрицает схематическую концепцию монолинейного общественного развития, которая не замечает всего богатства форм проявления общего.

Законы развития общества нигде и никогда не выступают в чистом виде, а проявляются своеобразно, в зависимости от конкретно-исторических условий разных стран и народов. Это положение в равной мере относится и к духовным явлениям, в частности, к функционированию нравственных традиций разных народов.

Среди категорий материалистической диалектики особое место занимают категории общего, особенного и единичного. Проблема органической связи этих категорий имеет много сторон. Они являются методологической основой для познания и объяснения общественных явлений. В монографии роль категорий общего, особенного и единичного используется для анализа национального и общечеловеческого в нравственных традициях.

Природа и взаимодействие категорий общего, особенного и единичного получили научное решение в созданной Марксом и Энгельсом диалектико-материалистической философии. Они дали научное обоснование теоретического и практического значения этих категорий. Дальнейшее развитие проблемы общего, особенного и единичного содержится в трудах В.И.Ленина и его последователей, которые исследовали образцы приложения этих категорий при объяснении общественных явлений, событий, процессов и т.д.

В своей работе мы не ставим цели выяснения различных точек зрения по вопросу содержания общего, особенного и единичного. Это не входит в нашу задачу. Отметим лишь только, что в нашей философской литературе наиболее широко представлены две точки зрения в анализе содержания исследуемых категорий. Одна часть философов дает следующее определение рассматриваемых категорий: «Единичное – это то, что присуще лишь одному, отдельному, конечному предмету и единичное выполняет роль особенного. Общее есть то, что присуще многим предметам. Всеобщее – то, что присуще всем единичным предметам, бесконечному их многообразию»¹⁴.

Другие авторы (Ш.В.Мисабишвили. Диалектика общего и особенного в социальном развитии. Сухуми, 1971; Н.А.Исмуков. Диалектика общего и особенного в развитии национальных культур. Философско-методологический аспект проблемы. Чебоксары, 1992; А.В.Маслихин, Н.Н.Гаврилов, В.Д.Маслихин. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. Йошкар-Ола, 2002)¹⁵ под единичным подразумевают отдельные предметы, явления,

¹⁴ Воробьев Л.В., Коганов В.М., Фурман А.Е. Основные категории и законы материалистической диалектики. Изд-во МГУ. 1962. С. 156; Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1963. С. 47-48.

¹⁵ См. в том числе: Ильенков Э.В. «Всеобщее», «единичное». Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1964.

имеющие место в обществе. Под общим понимаются существенно сходные свойства предметов, явлений. Что касается категорий особенного, то большинство авторов полагает, что это понятие выполняет роль связующего звена между общим и единичным, отражает диалектическую взаимосвязь общего и единичного и является формой проявления всеобщего. Мы разделяем такое понимание категорий общего, особенного и единичного.

Нам представляется, что сведение содержания категории «единичное» к абсолютно неповторимым чертам материальных образований является не совсем правильным. Такое понимание ведет к метафизическому противопоставлению общего единичному, исключает их диалектическую взаимосвязь, взаимопереходы и противоречит известному положению материалистической диалектики. По этому поводу В.И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике» отметил: «отдельное есть общее... значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны... Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»¹⁶. Ленин В.И. не считал «отдельное» и «единичное» понятиями с разным содержанием.

Какое место отводится в материалистической диалектике «всеобщему» в системе категорий всеобщего, особенного и единичного? Каждая конкретная вещь, явление, процесс существуют не изолированно от других вещей, явлений, процессов. Они взаимосвязаны между собой рядом признаков, сходных черт, качеств. Всякое конкретное явление характеризуется не только своей индивидуальностью, но и своей общностью с другими вещами, явлениями, процессами.

В чем выражается внутреннее свойство общего? Изучение реальной жизни подтверждает, что общее есть, прежде всего, связь, взаимодействие взаимопредполагаемых противоположностей, а не простое сходство их. Общее – это, прежде всего, существенное в явлениях. Категория «общее» всегда выражает основное содержание, суть процесса. Оно есть то, которое отражает объективно существующие внутренние связи, черты, свой-

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

ства и отношения, присущие группе родственных явлений предметов и событий. Общее также сближает один предмет с другим и придает им единообразие. *Общее* — это единое во многом. Оно существует в реальной действительности и отражается в нашем сознании, а не создается им. Всеобщая характеристика определенной группы явлений должна выражать не только наглядно общее, но и ту реальную основу, на которой с необходимостью развивается все богатство их особенных и единичных форм. Такое всеобщее отражает то действительно реальное, а не формальное общее, которое составляет сущность всех его особенных состояний.

Для более глубокого понимания характера категории общего отметим его связь с сущностью, необходимостью и законом. На это обстоятельство обращал внимание В.И. Ленин: «...Каждый знает об общем, но не знает о нем как о сущности»¹⁷. Сущность выступает регулятором бытия предметов и явлений, упорядочивает и придает им единообразие. Сущность выражает такое общее в явлениях, которое определяет их природу, то есть существенно общее или всеобщее. Сущность, выступая как система объективных законов, образует основу явления. Отдельный закон представляет только «часть» сущности, а сущность представляет целостность «частей». Сущность есть внутреннее тождество, внутренняя жизнь, природа ряда явлений, их отношений и связей. Она есть более устойчивая, главная, ведущая сторона единства общего и особенного. На первый взгляд кажется, что, если сущность выражает устойчивую сторону явления, то она абсолютно не изменяется. Это внешняя сторона. В действительности такой сущности нет. Вот почему В.И. Ленин писал, что «...не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также»¹⁸.

Сущность, выступая как система законов, содержит в себе некоторую принудительную силу, то есть она является носителем необходимости. Анализируя предметы и явления, объединенные всеобщей связью, мы обнаруживаем, что эта всеобщность присуща им как необходимое условие существования. Общее опирается не те же связи, что и необходимость. Необходимость неотделима от всеобщего.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 241.

¹⁸ Там же. С. 227.

Необходимость и всеобщность связаны друг с другом постоянно и объективно, и они вместе образуют закон. Познавая необходимое, мы познаем и всеобщее, а тем самым познаем и законы. Закон как форма всеобщности в природе является воплощением единообразия, всеобщности предметов и явлений. Всеобщее обладает признаками закона, то есть повторяемости, постоянства, необходимости, объективности и историчности. Нравственным традициям присущи все эти признаки. Ни один народ не является исключением из этой всеобщности и необходимости. Поэтому нравственные традиции являются всеобщим закономерным явлением, присущим всему человечеству.

Итак, категория «общее» отражает объективно существующее, необходимое единство существенных связей и отношений в явлениях и процессах материального мира и духовной жизни народа. Под общим понимается объективно существующая общность черт, свойств, признаков единичных предметов и явлений объективной действительности, сходство отношений, связей между ними. Общность есть то, что повторяется во многом, разнообразном, единичном.

В реальном мире наряду с категорией «общее» существует также категория «особенное». В изучении этой категории имеются большие трудности, так как исследованием особенного занимаются чрезвычайно мало. Но если и занимаются этой проблемой, то здесь преобладает количественный подход или предпринимается попытка подменить данную категорию категориями общего или единичного. В «Философской энциклопедии» справедливо отмечается, что в результате количественного, объемного подхода «особенное» исчезает как относительно самостоятельная категория. Его рассматривают как «...всеобщее по отношению к единичному в одной системе отношений и как единичное по отношению к всеобщему в другой»¹⁹.

Выяснение особенного предполагает установление сходства и различия. Найденное различие, на основе установления общего, и есть особенное. При определении особенного нельзя забывать ценное положение Гегеля, который писал: «Особенное есть само всеобщее, но оно есть его различие или его соотношение с некоторыми другими, его свечение вовне: налицо нет никакого дру-

¹⁹ См. Философская энциклопедия. Т. 4, М., 1967. С. 173.

того, от которого особенное было бы отлично, кроме самого всеобщего»²⁰.

Если общее выступает в качестве отождествляющего, то его противоположностью является различие. Понятие «различия» мы обычно связываем с понятием «особенности», то есть особенное выступает в качестве синонима различия. Установление особенного в объективной действительности возможно только при сравнении и сопоставлении. Так, для выявления общего и особенного нравственных традиций одного народа необходимо своеобразное «зеркало» в «лице» традиций другого народа. Вне отношения нельзя говорить об общем и особенном предметов и явлений. Как указывал К.Маркс, «...свойство данной вещи не создается по отношению к другим вещам, а лишь обнаруживается в таком отношении»²¹. Но для того чтобы сравнить, необходимо иметь не одно, а несколько, но хотя бы больше одного числа сравниваемых предметов и явлений. Но с другой стороны, особенное не только различает один предмет от другого, одну форму проявления всеобщего от другой формы проявления, но особенное может иметь значение отождествляющей определенности.

Национальные особенности стран и народов выступают как форма проявления общего, как средство реализации общего, выражения своеобразия в развитии тех или иных народов. Общее, существуя в отдельном, имеет различные черты сочетания старого и нового, многообразие форм связей одних стран и народов с другими, влияние особенностей исторического развития, обусловленные всей совокупностью природных, социальных, культурно-бытовых и других условий. Это свидетельствует о том, насколько многообразны и богаты особенности, влияющие на своеобразие развития и функционирования традиций в образе жизни народа. Национально-исторические особенности, присущие той или иной стране, народу и выраженные в традициях, не являются случайными или результатом субъективизма, а носят объективный характер.

А где, в чем существуют и проявляются общее и особенное? Не могут же они быть и находиться где-то в стороне, отдельно от вещей и явлений. Сущность общего определяет не только

²⁰ Гегель Г.В. Соч. Т. VI, М., 1939. С. 38.

²¹ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1952. С. 64.

природу особенного, но от нее также зависит и природа единичного. Общее и особенное, выражающие свойства и признаки предметов, явлений, не могут существовать, не имея своего носителя, а этим основанием выступает категория «единичное». Единичное есть отдельный предмет, конкретное явление во всей его целостности. Гегель, характеризуя эти категории, писал: «Всеобщность, особенность, единичность, взятые абстрактно, суть то же самое, что и тождество, различие и основание»²². Единичное является синтезом и реальным воплощением диалектического единства общего и особенного. Эти последние составляют «стержень» единичного, без которых единичное перестало бы быть чем-то определенным и уловимым.

Хотя предметы и явления единичны в своем бытии, но они отличаются или сходны, похожи множеством свойств и признаков, то есть единичное содержит в себе и общее, и особенное.

Следовательно, диалектика общего, особенного и единичного проявляется в том, что в каждом социальном единстве всегда присутствует общее. Но это общее каждый раз в единичном выступает в специфической форме, то есть по-особому, своеобразно. В зависимости от конкретных исторических условий, места и времени социальное единичное имеет свои особенности, индивидуальные признаки, которые отличают его от другого единичного. Эту мысль можно выразить таким образом: *общее проявляется в единичном через особенное*. У каждого народа есть свои обычаи, традиции. В этом смысле они – *явление единичное*. Всякое единичное, как мы отметили выше, выступают в качестве носителя общего и особенного.

Анализ традиций показывает, что общие черты, присущие им, где бы и когда бы они ни возникали и ни существовали, имеют всеобщую значимость и, выражая сущность социокультурного явления, существуют как общее в отдельном, единичном. И каждый раз они выступают в конкретной форме, то есть проявляют себя особо, приобретая различные черты и моменты.

Верно, что во всех национальных нравственных культурах присутствовали элементы общечеловеческого содержания. Как закон жизни, национальное и общечеловеческое неразрывно взаимосвязаны. Интеграционные процессы в нравственной куль-

²² Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Логика. М.-Л., 1929. С. 270.

туре заложены в самой природе развития общества, что обеспечило взаимообогащению национальных нравственных культур. В недавнем прошлом были попытки доказать, будто общечеловеческая интернационалистическая черта будет превалировать, чем дальше человек отойдет от национальной основы. Это привело ко многим негативным последствиям: утрате личностью своей национальной культуры, особенностей письменности и языка, обычаев и традиций. Отсюда углубление противоречий в сфере духовной культуры народов; между ростом национального самосознания и углублением интернационализации, а также между принципом духовного равноправия и стремлением отстоять приоритет языка и культуры народа, давшего название республике.

Национальная нравственная культура – это синтез и национально-особенного, и национально-специфического, освоенного и обогатившего национального. Чем самобытнее, оригинальнее феномен нравственной культуры в своем национальном выражении, тем больше значение этого знаменателя, символизирующего общечеловеческие, общемировые, гуманистические нравственные ценности. Чем выше степень включенности каждого народа во всемирно-исторический нравственный процесс, тем богаче его общечеловеческий потенциал, а следовательно, его вклад в мировую нравственную культуру.

В нравственной культуре под *общечеловеческим* понимается совокупность ценностей гуманистического характера, которые признают человека в качестве высшей ценности. Не случайно этот новый вариант диалектики национального и общечеловеческого сложился вместе с появлением новых, развитых форм гуманизма. Поэтому любой нравственной культуре присущи общечеловеческие основы, но, однако, общечеловеческое и национально-специфическое в каждой нравственной культуре есть не логические антитезы, а диалектические противоположности, которые образуют живое противоречие, служащее делу развития всех национальных нравственных культур, вбирая в себя непреходящие ценности, общечеловеческое само по себе является ценностью. Прежде всего, это проявляется в том, что оно служит наиболее общей формой связи и преемственности эпох и поколений, взаимопонимания людей, социальных групп, этнических общностей, основой для установления и

развития межнациональных и международных контактов, для обмена опытом и т.д.

Развитие общечеловеческих черт – это осознание личностью того, что люди, принадлежащие к разноликим и разноразным нациям и расам, имеющие разные политические убеждения и исповедующие различные религиозные верования, не только установят друг с другом прочные внешние связи, но и ощутят себя частью общего, целого, объединят усилия во имя общего дела. Так, русский философ В.Соловьев писал: «Мы должны рассматривать человечество в его целом как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себя, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в жизни всего человечества»²³.

Консолидирующим фактором нации в современных условиях являются глобальные проблемы человечества, которые стягивают наш противоречивый мир в целостность. Развитие общечеловеческих черт зависит от степени формирования всепланетного согласия в отношении общечеловеческих ценностей. От степени развития нравственной культуры зависит разрешение глобальных проблем современности, например, проблемы охраны окружающей среды, воздушного и водного пространства, животного мира, охраны памятников архитектуры и истории, проблемы здравоохранения и социальной защиты прав и свобод граждан и другие.

Вот те проблемы, которые необходимо разрешить в диалоге между различными социальными силами, системами, культурами, идеологиями, цивилизациями. Диалог – общезначимый элемент становления целостного мира, развития общечеловеческого, консолидирующего фактора.

Говоря об общечеловеческом, следует учитывать триединый комплекс, формирующий современное понимание этой категории:

- 1) общее обитание людей – Земля;
- 2) генезис человеческого общества (ступени развития цивилизации);
- 3) родовая сущность человека.

²³ Соловьев В. Русская идея. М., 1991. С. 4.

В исследовании национального и общечеловеческого необходимо руководствоваться следующими принципами: учитывать единство части и целого, всеобщей истории и истории отдельных этносов, своеобразие и самоценность каждой национальной культуры, единства судеб личности, общества, человечества.

Общечеловеческое не вырастает вне национального. *Общечеловеческое* — это не отдельно стоящее от национально-конкретного понятие, а особенность, содержащаяся в национальном видении мира. Современное бытие человека раздвигает его границы до сознания общечеловеческих закономерностей, входящих в состав собственного национального развития, пробуждает потребность в осмыслении судеб индивидуума и общества, то есть к восстановлению целостности личности с ее индивидуальной неисчерпаемостью, национальным своеобразием и общечеловеческой значимостью.

По справедливому замечанию В.С.Библера, *общечеловеческое* — это не абстрактно-человеческое, присущее всем людям, как усредненному амeboобразному существу. *Общечеловеческое* вместе с тем — индивидуальное, человеческое, личностное. А именно речь идет об ответственности личности за свои поступки. *Нравственное* — это то, что определяет внутреннее «личное самосостояние человека» (А.С.Пушкин) как самосостояние общечеловеческое. Всечеловеческое имеет нравственный смысл только как уникально личное²⁴.

На развитие общечеловеческих черт личности влияет множество компонентов национальных культур — обычаи, традиции, ценности художественной культуры, быт, нравственные нормы поведения и т.д., межнациональный язык как необходимое условие взаимного общения, обмена духовными ценностями.

Если рассматривать общечеловеческое в нравственной культуре на конкретном личностном уровне, то общечеловеческая черта может быть развита лишь только на основе развития позитивных моментов каждой национальной культуры, в национальном самосознании, психологии. Еще Н.Я.Данилевский писал, «что общечеловеческим гением считается тот человек, который силою своего духа и ума может вырваться из пут национально-

²⁴ См.: «Вопросы философии». 1990. № 7.

сти и вывести себя и своих современников (в какой бы-то ни было категории деятельности) в сферу общечеловеческого»²⁵.

Стремление отрицать роль и значение общечеловеческих ценностей в развитии национальных обычаев и традиций является проявлением национального эгоизма, национальной кичливости. Признание роли общечеловеческих ценностей в развитии национального самосознания не зависит от уровня развития национальной культуры. Поэтому более развитые нации имеют широкие возможности для приобщения к общечеловеческим ценностям.

Общечеловеческое можно представить как совокупность предпосылок и ценностей, которые способствуют выживанию, сохранению и развитию человечества как такового, укреплению его единства, созданию благоприятных условий для его бытия и реализации его потенций. Общечеловеческое отражает общественную практику человечества и определяет прогресс мировой цивилизации. Плеханов Г.В., говоря об истории формирования национального и общечеловеческого сознания, писал: «Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества»²⁶.

Есть основание утверждать, что на любые моральные традиции накладывают свой отпечаток особенности жизни нации, общества в целом людей, что определяет некоторые общечеловеческие моменты в его содержании, которое сохраняется в преемственности поколений. Совместное проживание на определенной территории, сходство природных, экономических, бытовых, трудовых условий жизни порождает у наций, народностей сходные черты во многих сферах жизнедеятельности, и, прежде всего, в повседневных, будничных условиях существования, в семейно-бытовых отношениях.

Общечеловеческое в нравственной традиции – это такое содержание, которое вырабатывается на основе общих для всех социальных групп условий жизнедеятельности. Говоря иначе,

²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. Гл. IV. С. 114.

²⁶ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 4-х т. Т. 3. М. С. 93.

под общечеловеческим, в нравственности, следует понимать такое его содержание, которое является общим или всеобщим для различных эпох и социальных групп. Это касается как формальной структуры нравственного сознания, отношений и деятельности, так и содержательных характеристик морали — принципов, норм, идеалов, оценок и т.п. Сюда также относятся элементарные нормы нравственности, гуманистические идеи общечеловеческой солидарности.

В общечеловеческих нравственных ценностях можно выделить три взаимосвязанных момента. Это, во-первых, простые нормы нравственности, или основные правила всякого человеческого общежития, выработанные людьми в результате тысячелетнего нравственного восхождения к вершинам прогресса и присущие всем классам и народам. В свое время они третиrowались как «неразвитые», «абстрактные», хотя касались требований, связанных с повседневными взаимоотношениями: не воровать, не убивать, помогать людям в трудностях, выполнять обещания, говорить правду. Во все времена осуждались жестокость, жадность, трусость, лицемерие, вероломство, клевета, зависть, высокомерие, а поощрялись смелость, честность, самообладание, великодушие, скромность. Простые нормы нравственности регулируют также отношения старших и младших, родителей и детей, здоровых и больных, утверждают уважительное отношение к женщине, ценность материнства, трудолюбие, верность родной земле. Все это золотой фонд нравственной культуры, который можно рассматривать и как фундамент для более высоких норм ее. Недооценка моральных заповедей, какими бы простыми и элементарными они не казались, чревата серьезными последствиями.

Во-вторых, к общечеловеческим элементам в нравственности обычно относят и некоторые общие психологические формы морального переживания, игры страстей и чувств. К примеру, такие проявления внутридушевных движений, как угрызения совести, ощущения стыда, вины, раскаяния и т.п. Они схожи у всех людей, независимо от их социального положения. В ином случае люди не смогли бы представить себе чужой нравственный опыт, не могли его понять и сопереживать.

В третьих, под общечеловеческим следует понимать позитивный вклад в нравственный опыт человечества, который внес тот или иной класс на протяжении истории. Это, прежде всего,

представления об исходном достоинстве людей, независимо от их социального происхождения или занимаемого положения, о моральном равенстве, необходимости гуманных отношений в обществе, о ценностях коллективизма и товарищества, нетерпимости к угнетению, унижению, недопустимости национальной розни, о ценностях и равенстве народов.

В целом же категория общечеловеческого выражается во входящих в нее составляющих: родовая сущность человека — общечеловеческие ценности. Шкала общечеловеческих ценностей очень широка: от заботы о куске хлеба до высоких гуманистических идеалов. Содержание народной мудрости убедительно это подтверждает. Сам факт реального функционирования обыденного сознания как неспециализированного, жизненно-практического уровня общественного сознания включает в себя неизбежность существования таких граней, «моментов», которые имеют общечеловеческий характер. То, что является объектом отражения обыденного сознания, его «верхнего этажа» народной мудрости, имеет универсальный характер, присущий всем людям, ибо непосредственно связано с процессами реальной повседневной жизнедеятельности, но преломленный через призму массового и национального. Ведь народная мудрость включает в свой арсенал не только конкретно практические утилитарно-бытовые знания, представления, регулятивы и т.д., но и более обобщенные, приобретенные в опыте всего человечества.

Общечеловеческое и народную мудрость объединяет присутствие здравого смысла, которые соотносятся с логикой общечеловеческого и с логикой здравого смысла. Народная мудрость, основанная на здравом смысле, позволяет обнаружить, что у всех народов, населяющих нашу планету, гораздо больше того, что объединяет, чем того, что разъединяет их.

Народная мудрость состоит из следующих элементов:

- 1) общечеловеческое (включающее в себя то, что свойственно родовой сущности человека, общечеловеческие интересы и ценности);

- 2) национальное (свойственное лишь определенному народу, где преобладает этническое, проявляющееся через культуру данного народа, его традиции, обычаи).

Общечеловеческие ценности, возникавшие на начальных этапах бытия человечества, закреплялись в традициях и обычаях, развивались столетиями, несмотря на войны, конфронтацию, столкновение политических интересов и национальную вражду.

Анализируя соотношение национального и общечеловеческого в нравственных традициях, не стоит абсолютизировать национальные традиции, несущие на себе печать ограниченности, превосходства «своих» традиций над «чужими», недооценку значимости общечеловеческих элементов, когда культура воспринимается как национальное, а общечеловеческое лишь как источники духовности, нормы регулирования человеческих отношений, методы воспитания и т.д. В подобных случаях высокая оценка национальной традиции как духовного феномена переходит в ее абсолютизацию и, тем самым, в элемент изоляционизма в оценке соотношения в ней национального и общечеловеческого, что может приводить к драматическим последствиям националистического порядка, способствовать напряженности, конфликтности во взаимоотношениях людей в многонациональных регионах.

Доминирование общечеловеческого содержания в традициях сегодня связано с тем, что в международном плане уже признан приоритет общечеловеческих ценностей. Сейчас особенно необходимо осознание значимости общечеловеческих элементов и их вхождение в содержание национальных традиций. Это признание будет способствовать росту политической культуры общества, его стабильности, предотвращению агрессивности в разрешении межэтнических конфликтов, развитию политической активности в культурных, цивилизованных формах.

Рост значимости общечеловеческого в общественной жизни связан с развитием общедемократической традиции в экономике, социальной политике, культуре наций и народностей, с расширением внешнеэкономических связей, межгосударственного сотрудничества, преодолением конфронтации в политике, развитием межличностных контактов посредством «народной демократии».

Ассимиляция общечеловеческого возможна только в условиях свободного и всестороннего развития национально-этнического. Диалектика их соотношения такова, что на каждом историческом этапе ведущая роль в динамическом равновесии тех или иных элементов содержания нравственных традиций

зависит от приоритетных задач развития данной этносоциальной группы и общества в целом.

Достижение динамического равновесия общечеловеческого и социально-этнического составляет основное содержание народных традиций в любой сфере жизнедеятельности общества. Нарастание в современных условиях значимости общечеловеческих ценностей не только не исключает, но и предполагает сохранение и развитие социально-этнической специфики существующих издавна, возрождаемых сегодня и формируемых заново традиций.

В повседневной практике межнациональных отношений надо исходить из того, что *общечеловеческое* – это не отрицание права на национальное, наоборот, это возрастающее внимание к национальным интересам народов и одновременно – защита общечеловеческих ценностей интеграционных тенденций, набирающих силу во всем мире.

Жизнь убедительно показывает, что национальная традиция не поглощается, не утрачивается, не отодвигается на второй план, наоборот, укрепляется ее самобытность, возрождается разнообразие национальных элементов. Поощрение национальной самобытности не должно вести к самоизоляции от общечеловеческого культурного наследия. Сближение наций нельзя противопоставлять росту национального самосознания, их общечеловеческое вырастает из национального. Важно, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции неуважительного отношения к традициям других народов.

В периоды тоталитарного правления, во времена застоя в области национальных отношений, в культурном строительстве роковую роль сыграли торопливость и административное управление, сказавшие отрицательное влияние на развитие национальных духовных ценностей наших народов. Было допущено пренебрежительное отношение к историческому прошлому, культурному наследию, духовным ценностям народов. Сегодня в независимых государствах СНГ идет пересмотр подхода к своей собственной истории и культуре. Приоритетом общечеловеческих интересов становится их признание, уважение опыта всех народов, их духовных ценностей, выработанных не одним поколением людей, которые способствуют взаимному обогащению

разных культурных традиций. Не случайно радикально обновляющееся общество нуждается в объективной истине, необходимой для обеспечения человеческой жизнедеятельности. Поэтому сохранение и приумножение культурного потенциала общества, приобщение к культурным ценностям все более широких слоев народа рассматриваются как непереносимое условие слагаемых развития культуры и духовного обновления.

Межнациональное согласие является сегодня условием не только нормального, цивилизованного существования народа, но и их выживания, спасения, экономического и духовного подъема. Изоляция равнозначна распаду. Мы говорим о дружбе, не подразумевая нивелировку наций. Нет, согласие и человеческое единство только тем и сильны, что возводятся на фундаменте свободного национального развития, культурной самобытности.

Прекрасно в свое время сказал Ф.М.Достоевский: «Говоря... о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем ту истинную национальность, которая всегда действует в интересах всего народа. Судьба распределила между ними задачи: развивать ту или иную другую сторону общего человека...только тогда человечество и завершит полный цикл своего развития, когда каждый народ, применительно к условиям своего состояния, исполнит свою задачу. Резких различий в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит общий человеческий идеал, только оттененный местными красками. Потому между народами не может быть антагонизма, если каждый из них понимает свои интересы!»²⁷.

Нравственная культура того или иного народа обычно опирается на достижения духовной культуры и мировой цивилизации. Новая действительность вносит свое содержание в духовную надстройку общества. Ее содержание не может укладываться в старые формы, она требует дальнейшего, все более высокого развития национальных традиций, способствует созданию качественно новых национальных форм. Причем каждая национальная традиция вбирает в себя прогрессивное в традиции других народов, становясь таким образом общечеловеческой по своему духу.

²⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. М., 1960. Т. 20. С. 19.

Каждая национальная традиция по своему содержанию уникальна и неповторима, и является частью мировой цивилизации. Белинский И.Г. подчеркивал, что «человеческое... приходит к народу не извне, а из него же самого и всегда проявляется в нем национально. Давайте детям больше и больше созерцание общего, человеческого, мирового, но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через национальные явления»²⁸. В действительности национальная традиция не может существовать и развиваться, если ее содержание вне национального, и, следовательно, не выражает духовной жизни этноса.

Вместе с этим в жизни народов появляются и новые традиции, обычаи, служащие не только своеобразным продолжением и развитием национальных традиций прошлого, а качественно новым явлением, отражающим разнообразие и богатство уклада жизни этноса.

Широкое использование общенациональных традиций способствует осуществлению социального прогресса, служит регулятором общественного поведения, стимулятором и одним из необходимых условий всестороннего развития личности.

Этносы сохраняют и приумножают свои особенности, черты национального характера, свои лучшие традиции. Идет процесс обогащения, а в ряде случаев и возрождение национальных традиций. Каждая традиция по своей природе оригинальна, незаменима, и выражается это в их своеобразии. Поэтому необходимо дать простор полному и беспрепятственному развитию духовного мира народов в соответствии с их национальными традициями, в присущих им самобытных творческих формах.

В плане исследуемой проблемы нам представляется необходимым воспользоваться определением понятия «национального самосознания», данным Н.Джангильдиным. «Национальное самосознание, — отмечает он — это, по существу, познание нацией своей общественной социально-этнической сущности, осознание ею того, какое место и положение она занимает или может занять в системе межнациональных отношений, какую действительную роль она играла или в потенции может играть в истории человечества, вернее, какой вклад в общечеловеческую цивилизацию ею внесен или может быть внесен при наличии определенных условий, а также сознание естественноисториче-

²⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 29.

ского права на свободное независимое существование наравне с другими свободными народами, осознание своих задач, выполнение которых обеспечивало бы ей беспрепятственное продвижение по пути подлинного прогресса и своих обязанностей к другим народам в соответствии с общепринятыми международными морально-правовыми нормами»²⁹. Позволим себе привести еще одно высказывание: «Долг каждой нации – выявить перед миром свою национальную сущность. Если же нация ничего не дала миру, то это должно рассматриваться как национальное преступление, вернее, это хуже, чем смерть и никогда не прощается человеческой историей. Нация должна сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее»³⁰. Эти слова, сказанные Р.Тагором, отразили общую тенденцию прогрессивного развития всего человечества.

Ни история, ни теория не знают такой традиции, о которой можно было бы сказать, что она абсолютно не самобытна. Сама диалектика развития традиций, само содержание духовных потребностей и интересов людей неопровержимо свидетельствуют о глубокой духовной зависимости, взаимодополняемости народов в плане создаваемых ими ценностей.

Следует отметить, что во взаимоотношении национальных традиций все большую роль играет не то, что отличает их друг от друга, а то, что их сближает, роднит, сплачивает. Есть основания утверждать, что национальные ценности заключают в себя не только то, что было и есть, но и то, что будет и может быть. Следовательно, национальные традиции это не только то, что передавалось от наших предков, но и то, что представляет квинтэссенцию опыта сегодняшнего дня, достойного подражания и поддержки. Поэтому, говоря о культурном уровне народов, надо исходить из того, что они, развивая свои традиции, заботятся о дальнейшем развитии своей духовной жизни, создании интеллектуального потенциала общества.

В национальной форме традиций новые элементы возникают на основе переосмысления ее старых выразительных средств и творческого восприятия характерных средств из других национальных традиций.

²⁹ Джангильдин Н. Природа национальной психологии. Алматы, 1971. С. 126.

³⁰ Иностранная литература, 1974. № 7. С. 29.

Каждая нация стремится путем более полного выявления всего ценного, что есть в других национальных традициях, брать от них то, что приемлемо для нее, впитывает прогрессивные формы, превращает их в соответствующую часть своей национальной традиции и тем самым обогащает ее. Речь идет не об искусственном сближении традиции, которое механически копирует формы, схематизирует, отрывает от ее исторических корней, нарушает внутренние закономерности их самостоятельного и самобытного развития, а о строгом учете закономерностей естественно-исторической самобытности и традиций народов в системе развития духовной культуры на всех этапах развития общества.

Поэтому, рассматривая национальное в системе нравственных традиций, следует иметь в виду, что оно впитывает в себя то ценное, что создано и создается творческими силами данной нации в соответствии с объективными условиями, этнопсихологическими, региональными и другими особенностями.

Чем теснее национальная традиция связана с другими, чем интенсивнее вбирает в себя те черты духовного и художественного опыта других народов, которые приобрели общечеловеческое значение, тем быстрее и плодотворнее она развивается, тем больший вклад она вносит в обогащение духовной жизни всех наций.

Необходимо тщательно исследовать чувство национального, национальные традиции в широком смысле этого слова. Это означает, что нельзя упрощать важнейший вопрос о национальных традициях и самобытности. Пожалуй, нет человека, который не испытывал бы искреннего чувства любви, привязанности к земле дедов, предков, к родной культуре, к своему языку, своим традициям и обычаям. В то же время необходимо решительно выступать как против пренебрежения к национальным особенностям, так и против фетишизации и абсолютизации их, формируя у людей чувство интернационализма, уважение к лучшим прогрессивным традициям всех народов.

Этнические особенности, кажущиеся иногда странными, непривычными, — не помеха прогрессу человечества, а богатство его. Этническое не препятствует единству общенациональных интересов, ибо во всех прогрессивных национальных особенностях есть общечеловеческие элементы, в них проявляется тенденция к сближению. Взаимосвязь и взаимодействие нацио-

нального и общечеловеческого неразрывны, тесно переплетены. Общечеловеческое включает в себя все прогрессивное, что есть в национальном. Межнациональные дружеские отношения не допускают ни национального эгоизма, ни чьего-либо национального гегемонизма, ни противопоставления национального общечеловеческому, ни игнорирования национальных особенностей, ни национального нигилизма.

Как исторический закон, все прогрессивное, передовое в нравственных традициях переходит свои национальные границы и становится достоянием других народов, тем самым моральное сокровище каждой нации все более обогащается творениями, приобретающими общечеловеческий характер.

В самой постановке проблемы, как и в последующем ее исследовании, просматривается тенденция развития к единству частного и общего, национального и общечеловеческого. В этом плане следует заметить, что, с одной стороны, исследуются этнические особенности, с другой — выясняется общность народных нравственных культур. Такой подход подсказывается логикой научного исследования, ибо специфика любого явления лучше познается в сравнении, и на примере морали одного народа можно заметить действие всеобщих нравственных закономерностей. В этой связи важно подчеркнуть и следующее обстоятельство: сравнение моральных традиций разных народов исключает идеализацию нравственного опыта того или иного народа, а рассмотрение преемственной связи народной морали с этической наукой предотвращает чрезмерную идеализацию «этноэтики».

Сокровенные нравственные ценности любого народа открываются путем изучения его этнической системы воспитания, обеспечивающей относительную устойчивость его национального облика. Чем глубже проникает исследование в закономерности народного воспитания, тем больше узнает его живую душу.

В такой же степени и передовые национальные особенности — не помеха прогрессу человечества, тем более духовного богатства его. Национальное не препятствует сближению и единству наций, ибо во всех прогрессивных национальных особенностях есть общечеловеческие элементы. Взаимосвязь и взаимодействие национального и общечеловеческого неразрывны и в тоже время не безграничны. Общечеловеческое включает в себя все прогрессивное, что есть в национальном. История воспитания и

история этической мысли — неразрывная часть истории материальной и духовной культуры человечества. Глубокое изучение этой богатой истории позволяет представить объективную историческую закономерность: процесс разворачивается в расширяющемся режиме, идет от совершенного человека к совершенным народам, следовательно, к совершенному человечеству.

Ни одно человеческое общество не в состоянии выжить, если оно не имеет внешней связи с другими обществами. Изолированное общество неминуемо подвергает себя деградации. Лишь открытое общество располагает принципиальными возможностями развиваться и прогрессировать. *Открытое* — это значит открытое для связи с внешним миром. Культурные и экономические связи с другими обществами диктуют необходимость проявления терпимости к иным традициям и обычаям. Отсюда следует способность к восприятию нового, ранее неизвестного в системе устоявшихся традиций.

Глава II. ПРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ЭТНОСА КАК ЯВЛЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Значение общей теории этноса в интерпретации особенностей национальных нравственных традиций

Поскольку этнические (национальные) явления в той или иной мере сопряжены почти со всеми сторонами жизни человечества, к их изучению причастны многие общенаучные и теоретические дисциплины. Прежде всего – это этнография, так как этносы являются основным объектом ее исследования. Эта проблематика оказывается в поле зрения: историка, воссоздающего историческое прошлое народа; археолога, занятого изучением этногенеза; социолога, интересующегося проблемой взаимосвязи этнических и социально-экономических явлений; искусствоведа, занятого исследованием этнического своеобразия отдельных компонентов художественной культуры; лингвиста, обращающего внимание на этнолингвистические процессы; психолога, исследующего этнические особенности психики; философа, занятого теоретической разработкой этнических традиций в контексте общечеловеческих ценностей.

Изучением этнической проблематики занимаются не только представители гуманитарных дисциплин, но и представители естественных наук: антропологии, физической географии, ботаники. На стыке этих наук и этнографии возникли своеобразные пограничные дисциплины: этническая антропология, этногеография, этноботаника.

К числу таковых относится и этноэтика, возникшая на стыке этнографии, этнофилософии, этнопсихологии и этнокультурологии. Этнографию и этноэтику объединяет общий для обеих наук объект исследования – многогранная жизнедеятельность этноса. Поскольку этноэтика исследует этнические особенности нравственного уклада, мы в своем исследовании акцентируем внимание на компонентном составе этноса, его структуре, понятийно-терминологической характеристике, что позволило бы глубже вникнуть в сущность природы «этнического», его соотношения с «национальным», «народным».

В настоящее время существуют различные и радикально различающиеся теории этноса, представляющие интерес с точ-

ки зрения исследуемой нами проблемы. Поэтому анализ этих теорий мы проводим под следующим углом зрения: сущность теории в целом (основные ее положения); идеи, подпитывающие теории: основополагающие эмпирические данные и современные оценочные и рефлексивные подходы.

Анализ теории этноса, выдвинутой Л.Н.Гумилевым показал, что «Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. Каждый этнос в той или иной степени внутренне неоднороден: внутри него выделяются субэтноты, консорции и конвексии, которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется»³¹. Эти внутриэтнические единицы, по мнению автора, необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собой. Только таким способом вводится и сохраняется эндогамия, предотвращающая кровосмесительные браки.

На вопрос, «Что рождает, питает противопоставление этносов всем остальным: «мы» – «не мы»?», Л.Н.Гумилев отвечает следующим образом: «не единство языка... хотя в известном (смысле) случае язык может служить индикатором этнической общности, не он ее причина. То же самое можно сказать про культуру, идеологию, экономические связи и даже общность происхождения: каждый этнос когда-то возник из 2-х и более составляющих компонентов, которые сливаясь, образовали одну целостность, но с определенной внутренней структурой. Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения»³². Внутренняя структура этноса – это определенная норма отношений между коллективом и индивидом. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для всех членов этноса она не тягостна.

³¹ Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. С. 540.

³² Там же.

Отличительным признаком этноса является его внутренняя неповторимая структура и стереотип поведения. Историческая судьба этноса и его этнографическая самобытность определяется способом ведения хозяйства, приспособленного к кормившему его степному ландшафту. Одним из ключевых положений данной теории является идея о взаимодействии этноса и географической среды. Этнос и географическая среда не могут не воздействовать друг на друга. Поскольку историческая судьба изучаемой народности есть продукт хозяйственных возможностей, то она тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ее ландшафта. И тут возможны два варианта: либо народ приспособливается к природным условиям, либо он приспособливает их для себя³³. Здесь немаловажную роль играли условия населяемой ими территории. Природные условия создают разную характеристику хозяйственной деятельности. Практика хозяйственной деятельности способствует формированию разных привычек, которые, суммируясь, отражаются сначала на племенной, а потом на более широкой общественной организации.

Л.Н.Гумилев в своей теории этноса отождествляет передачу традиций от одного поколения к другому с поведенческими трафаретами, усвоенными на основе условных рефлексов. Как утверждает ученый, с точки зрения этнологии – науки о поведении, навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами – все это своего рода условные рефлексы, обеспечивающие наилучшие приспособления к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. Л.Н.Гумилев убежден, что имеется сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные этносы по степени убывающей консервативности, то окажется, что «ноля», то есть отсутствия традиции, не достиг ни один этнос, тогда он бы просто перестал существовать, растворившись среди других.

Выражая свое согласие с отдельными замечаниями в адрес указанной концепции, мы считаем, что чрезмерное упрощение природы этноса, по сути дела, сведение закономерностей этнической жизни к закономерностям биологии поведения. Возможно

³³ См.: Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. С. 100.

он использовал методологию редукционизма лишь для более глубокого анализа специфики социального явления.

Несмотря на различие точек зрения в оценке теории этноса Л.Н.Гумилева, мы считаем, что в аспекте исследуемой проблемы, отдельные его идеи имеют весьма ценное значение, которые принимает в качестве ориентиров для своей концепции этнического аспекта анализа сущности нравственных традиций.

Концепция этноса Ю.В.Бромлея характеризуется тем, что автор тщательно анализирует это сложное и многокомпонентное образование. Исходный пункт этой теории состоит в том, что в этносе по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закреплённое в этнониме – самоназвание этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия собственно этнических элементов (природно-, географо-, территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). В соответствии с этим делением этнос получает якобы двойственную (дуалистическую) природу и как бы два смысла – узкий и широкий. Этнос в узком смысле получил наименование «этникос» (греческое прилагательное от «этнос») и включил в себя перечисленные собственно этнические характеристики, а этнос в широком смысле был назван этносоциальным организмом (сокращенно ЭСО) и, таким образом, выглядел как сочетание собственно этнических элементов и, кроме того, условий его складывания и функционирования, то есть социально-экономические факторы.

Любой взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этникоосу: или к основному его ядру или к «периферийной» части. В силу этого человечество в любой данный момент представляет собой совокупность этникоосов³⁴.

Специфические этнические компоненты являются непременными составляющими этносоциальных организмов всех типов, включая нации. Это обусловлено тем, что этнические факторы играют своеобразную системообразующую роль для всех типов ЭСО, ибо каждый этносоциальный организм (будь то племя, народ или нация) включает только лиц одной этнической принад-

³⁴ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 59.

лежности, только одного этноса. В данной связи весьма показательно, как уже отмечалось, что при решении вопроса о специфических особенностях нации среди других общностей людей неизбежно в такой роли оказываются ее этнические свойства. Это особенно наглядно проявляется при сопоставлении нации с государством (страной). Так же, как последнее, нация характеризуется собственно социальными (в том числе экономическими) связями, но в отличие от нации государственная политическая единица далеко не обязательно обладает этнической однородностью, будучи обычно в той или иной мере многонациональной. Стало быть, если утверждать, что нация не этническая, а только социальная (в узком значении слова) общность, то будет утрачено основание для ее отграничения от других общностей людей (в первую очередь от государства).

Проблема имеет и семантический аспект. Так, например, «этническая» семантика слова «национальность» включает (во всяком случае в русском языке) такое значение, как просто принадлежность к определенной этнической единице, не только к нации, но также к народности и даже к так называемым национальным (этническим) группам, под которыми обычно понимаются те части этникоса, что находятся за пределами нации и народности. Еще одно значение слова «национальность» — это этнические общности, предшествующие нации (в первую очередь народности), притом понимаемые не только как этникосы, но и как этно-социальные образования.

Вычленив этносы среди других общностей людей, нельзя не обратить внимание на наличие и у племен, и у народностей, и у наций, и у национальностей одного весьма наглядного и неперемennого внешнего признака: каждое из этих образований имеет свое самоназвание — собственное имя, этноним.

Этническое самосознание, как и любая форма сознания, явление вторичное, производное от объективных факторов. Потому что в сфере повседневного поведения этнические особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. Этим и обуславливается тот факт, что при разграничении этносов, народов в повседневной практике, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты их культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, семейный быт, брачные

обряды, обычаи, нормы поведения, привычки и т.п. Сюда относятся также общепринятые формы вежливости и приветствия, походка, этикет в еде, ее состав, способ приготовления и время приема, гигиенические привычки и многое другое. Все эти бесчисленные компоненты культуры имеют у отдельных народов свои характерные черты — этническую окраску и, передаваясь из поколения в поколение, образуют так называемую этническую культуру, обладающую специфическим для нее стилем³⁵.

Объективные факторы формирования этнического самосознания могут быть сведены к общности этнокультурных черт и исторических судеб лишь в том случае, если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этникос). Но в действительности, как уже говорилось, наряду с «чисто» этническими (этнокультурными) общностями существуют и сложные этнические образования — этносоциальные организмы, обладающие определенной территориальной общностью. Именно поэтому этническое самосознание опирается, в частности, на представления «о родной земле», о характерных чертах территории основного расселения этноса. Отсюда и особая сопряженность между этническими (национальными) чувствами и эмоциональным восприятием «родной природы»³⁶.

Человек становится членом своей нации лишь при условии осознания в той или иной мере того, что он имеет с ней общность культуры, языка, черт психики, исторических судеб и т.п., то есть всего, что относится к собственно этническим чертам нации и соответственно отражается в этническом самосознании³⁷. Как правило, самосознание тесно связано и с осознанием государственной принадлежности (подданство, гражданство), притом эта связь в данном случае неоднозначна, ибо симбиоз этноса в узком смысле слова с социально-политическим организмом (государственным образованием) имеет несколько вариантов. Когда этнос и социально-политический организм совпадают, этническое самосознание и сознание государственной принадлежности обычно настолько тесно сливаются, что прак-

³⁵ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм. Вестник АН СССР, 1970, №8. С. 56.

³⁶ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 192.

³⁷ Там же. С. 198.

тически почти не различаются. Отсюда следует слияние этнического чувства с чувством патриотизма³⁸.

Для консолидации этноса важнейшее значение имеет единство территории его расселения. Чтобы у группы людей появились специфические культурные черты, они должны систематически общаться друг с другом, а это, как правило, возможно лишь при условии их расселения в пределах относительно целостной территории. Несомненно, сохраняет определенное значение территориальное единство и для дальнейшего воспроизводства культурной общности. Поэтому в отечественной научной литературе большинство дефиниций этноса указывает на общность территории как на один из его непререкаемых признаков. Сложившиеся этносы нередко обладают общими чертами и при отсутствии единой для всех их частей территории, а соответственно также без экономической и потестарно-политической целостности. К таким чертам в первую очередь относятся характерные особенности культуры (в том числе языка) и психики этноса, его самосознание и самоназвание. Этот комплекс и составляет ядро собственно этнических свойств.

Ориентиры, служащие в качестве важнейших признаков общности, как «нация», «народ», «национальность», обычно не вполне равнозначны в отношении придаваемых им пространственно-политических параметров. Так, термин «нация» восходит к латинскому «*nasci*», что означает «рождаться», первоначально латинское «*natio*» понималось как «род», «племя», «народ», то есть оно имело преимущественно этническую окраску. В настоящее время «нация» зачастую служит, как правило, для обозначения совокупности людей одного этнонима, живущих в пределах одного государства. В отличие от наций, народности не обладают собственной промышленностью и у них невелика доля рабочего класса, внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие их с ассоциировавшейся с ней крупной нацией.

Термин «народ» может обозначать совокупность людей, имеющих один этноним, однако подчас охватывает лиц, находящихся не только на территории одного государства, но и на общей (смежной) территории разных государств. Но для обозначения людей одного этнонима, проживающих на отдаленных

³⁸ См.: Бромлей Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская педагогика, 1989. № 6. С. 196.

несмежных территориях применительно к новому и новейшему времени чаще используется термин «национальность». Для первобытного общества примерно такую же роль может выполнять, слово «соплеменность», которым могут обозначаться не только члены племени, что находятся на территории его основного расселения, но и оказавшиеся за пределами таковой. Следует четко разграничивать территориальную целостность, как условие возникновения этноса и как фактор его существования³⁹.

Этнос определен Ю.В.Бромлеем как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства⁴⁰.

Как видно из этого определения, важнейшей характеристикой этноса является его культура. Среди выполняемых культурой многочисленных ролей автор особо выделяет ее этническую функцию, которая тесно связана и с другими функциями культуры, такими как сигнификативная и коммуникативная. Очень важное в методологическом плане значение имеет утверждение автора о том, что этническую культуру не следует смешивать с культурой этноса (нации) в целом. Последняя включает не только этнические, национально-специфические, но и межэтнические, интернациональные компоненты культуры. И именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы.

Ю.В.Бромлей не оставляет вне поля своего зрения вопрос о специфике использования различными этническими общностями природных ресурсов, когда народы, находившиеся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно. Такого рода варибельность обусловлена в первую очередь специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей. Она может проявляться в самых разнообразных сферах взаимодействия человека и природы.

Перечисляя характерные компоненты этноса, Ю.В.Бромлей останавливается и на психическом (поведенческом) складе нации: «...хотя психический склад и характер — понятия однопо-

³⁹ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм. С. 58.

⁴⁰ Там же.

рядковые, относящиеся к основным свойствам психики, характер в специальном значении термина уже психического склада, понимаемого, в конечном счете, чаще всего «как совокупность» всех «устойчивых свойств психики»⁴¹.

Ценными в концепции Ю.В.Бромлей этнологи считают, во-первых, широкое распространение представления об этносе как главнейшем объекте изучения этнологической науки, а во-вторых, одну из серьезных попыток теоретического решения вопроса о воспроизводстве этноса. Воспроизводство этноса тоже мыслится как двоякий процесс. С одной стороны, это усвоение каждым последующим поколением социальных и культурных традиций, привычек, обычаев и т. п. через посредство социализации, а в этническом аспекте — этнизации личностей и групп. С другой стороны, воспроизводство этноса обеспечивается механизмом этнической эндогамии, то есть преобладанием заключения моноэтнических браков и образования этнически гомогенных (однородных) семей; в случае преобладания этнически гетерогенных (смешанных) браков возможны прорыв этнической эндогамии и постепенная ассимиляция этноса⁴².

Наряду с теорией этноса, в аспекте исследуемой нами проблемы, представляют интерес работы исследователей Р.Т.Кузеева и В.Я.Бабенко и др.⁴³, которые выделяют такие понятия как этнографические общности и этнические общности.

Как этнографические, так и этнические группы являются подразделениями соответствующих этносов и в этом качестве обладают, в пределах общих свойств этноса, определенным культурным и языковым своеобразием. Различают их такой существенный признак, как территория формирования и функционирования. Этнографические группы сложились на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Другими словами, под этнографической группой следует понимать внутренние части этноса, отличающиеся от основного массива определенными особенностями в языке, в материальной и духовной культуре, однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах

⁴¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса С. 147.

⁴² См.: Бромлей Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики. Советская педагогика. 1989. № 6. С. 8.

⁴³ См. Этнос и его подразделения. М., 1992.

внутриэтнической консолидации. С учетом совокупности указанных факторов выделяются пять разновидностей этнографических групп:

- 1) генетическая;
- 2) смешанная внутриэтническая;
- 3) смешанная межэтническая;
- 4) этнокопрофессиональная;
- 5) этносословная.

К этнографическим группам авторы относят и те образования, которые в литературе обозначаются как «соплеменники», «племенные объединения», «улубные общности», «землячества», «преднароды».

Люди, выделенные в особые этнические группы расселялись и трудились в известном отрыве от материнского этноса, вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингво-культурной среде. Такие группы в силу объективных причин (территориальной, языковой, хозяйственно-культурной разобщенности с этническим ядром, как следствие слабой связи с ним) как бы выпадают из орбиты общего этноэволюционного процесса этноса и с момента отрыва свое развитие продолжают в «автономном» состоянии, постепенно подвергаясь этнотрансформационным изменениям.

Адекватным, как отмечают авторы, представляется под понятием «этническая группа» иметь в виду все типы территориально разобщенных частей этноса во всех конкретных проявлениях и функционирующих в известном отрыве от этнического ядра.

В специальной литературе этнические общности, имеющие этноним и этническое самосознание, но находящиеся в таксономическом ряду ниже этноса, (так как находятся в рамках материнского этноса) выделяют особое образование, называемое субэтносом. Для них характерна определенная специфика в материальной и духовной культуре и языке, а также появившаяся тенденция развития в самостоятельный этнос, однако они еще окончательно не порвали с этническим ядром.

Для ясности и географической ориентации национальными группами целесообразно называть представителей народов, живущих в основной массе в других странах. Этнические и национальные группы представляют собой однопорядковые

этнические образования. Главным общим признаком их является обособленность от основного этнического массива. Вместе с тем, сходство между этническими группами и национальными группами не означает их тождества. Национальные группы образуются и существуют за пределами политического организма, в составе которого находится их этническое ядро.

Интерес представляет вопрос о критериях выделения подразделений этноса. Это могут быть следующие критерии: язык и культура; этногрупповая психология; специфические элементы в пределах общей для этноса культуры; характерные черты для повседневной жизни и поведения членов группы; этногрупповая эндогамия. Здесь следует отметить, что наиболее прочным критерием является этногрупповое самосознание⁴⁴.

Э.А.Орлова, касаясь вопроса соотношения понятий «класс» и «этничность», характеризует признаки этнической группы как культурной единицы, отмечая роль традиций в поддержании и сохранении этнической единицы. Ясно обозначив свою исходную точку зрения относительно того, что класс и этничность являются двумя основными измерениями социального порядка, не сводимого друг к другу, автор дает каждому из этих понятий свое определение: «Этничность — узы, сравнимые с родственными, основывающиеся на предположении об общем происхождении и связывающие сеть традиций людей, стоящих на различных уровнях социальной иерархии. Класс означает горизонтальную солидарность среди людей, которые безотносительно к происхождению предков разделяют общие отношения к власти и привилегиям...»⁴⁵.

Исходя из этой посылки, Э.А.Орлова излагает свое понимание категории этнос: «Категория «этнос» относится к людям, обладающим определенными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми от поколения к поколению. Обычно к таким признакам относят расовую принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи, религию. Они имеют идентификационное значение, даже если не признаются носителями, и в этом смысле носят объективный характер.

⁴⁴ См.: Этнос и его подразделение. М., 1992.

⁴⁵ Орлова Э.А. Введение в культурную антропологию. М., 1994. С. 149.

Можно считать, что лица, разделяющие определенный набор подобных черт, составляют группу, разделяющую общую этническую базу, подобно тому как социальный класс представляет собой группу лиц, занимающих общую позицию в системе материального неравенства»⁴⁶.

В стабилизации этнической единицы важнейшая роль принадлежит традиции, потому что она представляет собой «один из важнейших механизмов удержания, сохранения устойчивости норм, ценностей, образцов этнической культуры»⁴⁷. Благодаря семантике этих терминов, считает Э.А.Орлова, обеспечивается адекватная обозначимая сущность непосредственной трансляции специфичных культурных норм от поколения к поколению и соблюдение строгого следования таким нормам. Благодаря действию механизма традиции структурируется опыт социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других групп в стандартных ситуациях. Это происходит благодаря тому, что под действием традиции, в процессе социализации индивид осваивает стандартный этнично-специфичный опыт.

В плане нашего исследования особый интерес представляет определение нации, как живого социального организма, включающего в себя комплекс социальных и этнических признаков (элементов), то есть как социально-этническую общность⁴⁸. Согласно такому определению нации, как социально-этнического образования, социальное и этническое находятся в отношении диалектического взаимопроникновения. Этническое в нации социально по содержанию, а социальное этнично по форме. Как отмечает автор, появление этнического самосознания (включающего в себя и этноним) означает процесс становления этноса. Но этого еще недостаточно, они могут быть еще не прочными. Чтобы этносы достигли «зрелости», важно возникновение сопряженной с данным этносом социально-политической структуры, в первую очередь, национального государства, что связано с формированием национального сознания. Это прежде всего, отношение к культурным и историческим ценностям своего народа,

⁴⁶ Орлова Э.А. Введение в культурную антропологию. М., 1994. С. 149.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: Мухамметбердиев О.Б. Национальное самосознание. Ташкент, 1992.

а также отношение людей к истории человечества, особенно своей страны.

Для обоснования содержания вводимого нами термина «этноэтики» представляют ценность следующие мысли:

- этническое самосознание возникает и развивается на базе определенного творческого, синтеза лингвистической и национальной культуры;

- обеспечения динамичного единства культуры, языка, национального самосознания можно рассматривать как фундаментальную основу существования и функционирования этноса;

- для введения общечеловеческих ценностей в социальную практику и экономическую жизнь необходимо сочетание в гармонии этничности с движением за бережное отношение к этноэкологическому пространству.

Мы разделяем позицию Э.А.Орловой в определении понятия культурной традиции, где автор учитывает этнический аспект, в частности, идею о том, что под действием традиции в процессе социализации индивид осваивает стандартный этнично-специфичный опыт. Эта идея может служить одной из методологических предпосылок при разработке вопроса об этносоциально-ролевом подходе в этническом воспитании. Ибо культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов поддержания, сохранения устойчивости норм, ценностей, образцов этнической культуры.

Заслуживает внимание также точка зрения К.В.Чистова, который солидаризуясь с мнением Ю.В.Бромлея, отождествляет этнос с различными историческими формами общности людей.

Он отмечает: «Несколько упрощая, можно было бы сказать, что «этнос» («этническая общность»), народ – это исторически сложившаяся и устойчивая социальная общность, которая осознается людьми, причисляющими себя к ней по рождению, как общность внесоциальная»⁴⁹.

Придерживаясь последней точки зрения в настоящем исследовании «этнос» мы рассматриваем идентично понятию «народ», основываясь на понимании этноса как особой социальной группы, обладающей общностью интересов, ценностей и норм поведения, сложившихся на основе единых условий и объективных характеристик жизнедеятельности людей. Этническая группа

⁴⁹ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 13.

находится на пересечении двух видов общественной детерминации, соотношение которых может быть различным: с одной стороны, объективная принадлежность человека к данному народу предопределяется рождением, с другой — она основывается на культурных связях индивида со своим народом. Человек, будучи всегда исторически и этнически определенным, осознает этнические различия как социально значимые для своей жизнедеятельности.

Теория этноса дала для данного исследования возможность понять внутреннюю структуру феномена этноса, составляющими которой являются культура этноса, включающая язык, традиции, религию. Кроме того, данная теория акцентирует внимание на этнической психологии, являющейся важнейшей компонентой этноса и отражающей ее характерные неповторимые свойства. Изучение теории этноса позволило нам понять сущность понятий «национальное», «этническое» и «социальное», их соотношение и взаимосвязь.

Мы утвердились во мнении, что исследования проблем «этноэтики» невозможно без знания теории и истории этноса, без созидания содержательно-терминологической ее основы. Обращение к теории этноса обязывает само название «этническая мораль», из которой видно, что основу ее определяет практическая «этика». Так как «этноэтика» исследует этнические характеристики нравственного облика и поведения того или иного народа, то для описания новой дисциплины необходимо привлечь термины с этической семантикой. Без этого немыслимо ни коммуникация внутри этноса, ни манипуляция сознанием.

Таким образом, теория этноса, являясь содержательно-терминологической основой «этноэтики» предполагает анализ возможностей этнической психологии в познании особенностей национального характера, чувств, самосознания, этнического менталитета.

Этнос — это многопараметрированный и многофункциональный социальный организм. Он имеет глубокие исторические корни, объясняющие происхождение тех или иных нравственных традиций. Почему социумы приобретают этническую дифференциацию — это вопрос, который может объяснить только история национального, социально-экономического выживания.

Нравственные традиции многочисленны. История этноса отбирает из них наиболее адекватные социально-экономическим условиям жизни.

Невозможно ответить на вопрос, почему именно такие нравственные традиции оказались устойчивыми и жизнеспособными, если исключить из анализа общие этнические предпосылки их происхождения.

2.2. Нравственное сознание этноса как духовно-практическое отражение социальной действительности

Нравственная культура человечества есть прежде всего мораль этносов. Сама их жизнедеятельность и воспитание оставили много ценного для последующих поколений. Зачатки нравственной культуры в этом смысле являются общими для всех этнических групп. В сфере труда, трудового обучения и воспитания нравственная культура народов имеет наибольшее сходство. Так, например, всеобщими являются формы коллективной трудовой помощи и взаимопомощи у многих тюркоязычных народов: комок, уме, еме, ниме – у казахов, туркмен, татар, башкиров, чуваш.

Под программой нравственного воспитания подразумеваются исторически сложившиеся императивы того или иного этноса прививать подрастающим поколениям положительные образы поведения, как уважение другим народам, стремление перенимать у них лучшие черты, оказывать взаимопомощь и т.п. В трудовом народе испокон веков вырабатывался свой самобытный нравственный уклад, своя духовная культура. У всех народов было много обычаев и традиций, облагораживающих жизнь членов этноса. Они проявлялись в отношении к природе, и в удивительных народных ремеслах, и в красоте одежды, и в прославленных «законах» гостеприимства, и в добрых обычаях хорошего тона и в правилах приличия.

Феномен нравственности многогранен, и его можно рассматривать как объект общей теории познания, как накопление информации о поведении людей, мотивы их поступков и т.д. Автор придерживается той точки зрения, согласно которой главной функцией нравственности является регулятивная. Мораль («должное») как система ценностных установок, (нравственное

сознание) и нравственность («сущее») как совокупность поступков (нравственное поведение) рассматриваются в диалектическом единстве при признании примата нравственной практики.

Для того чтобы показать роль этносов в нравственном прогрессе человечества, необходимо уточнить критерий нравственного прогресса. Наиболее общими признаками, критериями нравственного прогресса, позволяющими оценить роль народных масс в нем, по мнению автора, является следующее:

1) свобода, обеспечивающая движение к цивилизованным формам поведения людей и одновременное ограничение траффаретов, изживших свой смысл в новых условиях;

2) расширение сферы действия прогрессивных моральных норм на все большее число людей — от узких рамок родовой общины, затем социальной группы, сословия, класса до общества в целом;

3) усиление действенности нравственного сознания: расширение сферы действия моральной регуляции на все большее количество областей человеческой жизни, проникновение морали в ранее заповедные сферы международной политики и природно-преобразующей деятельности людей (экология, генетика, демография и пр.);

4) возрастание роли внутренних форм регулирования поведения: совести, нравственных чувств, потребностей и убеждений, и соответственно сокращение удельного веса внешних способов управления поступками людей (общественное мнение, юридические предписания).

Так как критерий нравственного прогресса носит комплексный характер необходимо указать:

1) эффективность нравственности в качестве регулятора поведения людей;

2) удельный вес общечеловеческих норм в каждой нравственной системе.

Известны три основные исторические формы нравственной регуляции поведения индивидов и социальных общностей:

1) посредством детально регламентированных правил-запретов и указаний, передаваемых человеку с помощью обычаев, обрядов, кодексов и инструкций, исполнение которых требует автоматизма и не нуждается в излишнем интеллектуализ-

ме. Такая форма регуляции поведения была доминирующей в условиях первобытнообщинного строя;

2) позднее исторической формой управления поведением людей стали простые нормы нравственности и справедливости. Нормы предъявляют определенные требования к нравственным качествам человека и предполагают понимание причинно-следственных связей между намерениями и поступками. Известно около тысячи простых норм нравственности (трудолюбие, доброжелательность, скромность, честность и т.п.). Простые нормы нравственности служили основными регуляторами поведения и нравственных отношений в среде народных масс;

3) высшей формой регуляции поведения представителей народных масс, соблюдение нравственных принципов является общественное мнение, которое или духовно поощряет, или наказывает.

Народная система нравственного воспитания тесно связана с широко разветвленной практикой педагогического воздействия. По своему содержанию последнее шире то есть не ограничивается сферой нравственности. Она включает проблемы трудового, эстетического, нравственного, физического и т.п. воспитания, а также образования, обучения подрастающего поколения. Народная педагогика как область научного интереса достаточно разработана, имеются ряд солидных монографий, книг, что нельзя сказать о народной этике.

Наиболее полно и всесторонне, на наш взгляд, проблему народной педагогики исследовал академик Г.Н.Волков, автор монографий «Чувашская народная педагогика» (1958 г.), «Этнопедагогика чувашского народа» (1966 г.), «Этнопедагогика» (1974 и 1999 гг.). Определив этнопедагогику как науку «об опыте народных масс по воспитанию подрастающего поколения, об их педагогических воззрениях, науку о педагогике быта, о педагогике семьи, рода, племени, народности и нации», Г.Н.Волков поясняет, что «этническая педагогика исследует особенности национального характера, сложившиеся под влиянием исторических условий, сохранившиеся благодаря национальной системе воспитания и претерпевающие эволюцию вместе с условиями жизни, вместе с педагогической культурой народа»⁵⁰. Народная пе-

⁵⁰ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 30.

дагогика, как справедливо отмечает известный ученый, не наука, но для науки представляет огромный интерес, то есть она составляет объект научного исследования, предмет науки (этнопедагогики). Но в то же время он допускает возможность употребления народной педагогики в значении науки: «термином «народная педагогика» можно обозначить и отрасль науки, изучающую педагогические знания и опыт народа, а также сам предмет исследования...», поясняя далее, что «народная педагогика предполагает исследование педагогической культуры народных масс, выработанных тысячелетним опытом»⁵¹. Возможно, что во втором значении (как науки) автор имел в виду ее связь с социальной педагогикой, которая в последние годы выросла в самостоятельную отрасль знания. Он пишет: «Плодотворным является рассмотрение этнопедагогических изысканий как составной части этносоциологических (этносоциальных) исследований. Такое единство позволит глубоко познать и объективно оценить практику народного воспитания, которая до сих пор остается вне поля зрения многих исследователей»⁵². Важным методологическим ориентиром в плане нашего исследования послужила также идея Г.Н.Волкова о включении «этнопедагогики в орбиту взаимосвязей и взаимовлияний многочисленных общественных, гуманитарных и психологических наук. Это позволит этнопедагогике расширить материал и источники, вооружить ее методами наук, имеющими большую историю и опыт, создаст благоприятные условия для больших теоретических обобщений...»⁵³.

Термин «этнопедагогика», представляет собой не учебник, а идейное содержание и сущность народной мудрости, предметом которой является «педагогическая культура рода, племени, народности, нации, сказывающаяся, в конечном счете, и на «общности психического склада» той или иной этнической группы. Этническое воспитание — это воспитание в семье, роду, племени — оно и в отдельности и вместе, воспитание — народное⁵⁴. Как видно из данного тезиса, понятия «этническое» и «народное» автор употребляет как синонимы. Необходимо расчленив тер-

⁵¹ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 8.

⁵² Там же. С. 30.

⁵³ Там же. С. 49.

⁵⁴ Там же. С. 9.

минологически объект исследования и предметное содержание мысли. Ценную мысль в методологическом плане высказывает Г.Н.Волков, подчеркивая, что народное воспитание как объект исследования более разнообразно и богато, нежели народная педагогика. Не существует прямолинейного, однозначного соответствия между народной педагогикой и народным воспитанием, между идеей и действительностью, между педагогической мыслью и педагогической практикой⁵⁵. Отсюда можно сделать заключение, что народное воспитание – это сама жизнь, реальная действительность, педагогическая практика, а педагогическая мысль – идея, научно-исследовательский результат.

Г.Н.Волков как бы предостерегая своих последователей, педагогов-практиков, учит: «Путь к общечеловеческой культуре лежит не через отказ от национальных особенностей, а через лучшее их познание, через максимальное использование их прогрессивных элементов. В то же время учет национального момента в воспитании предполагает создание таких педагогических условий, которые бы препятствовали передаче из поколения в поколение национальных предубеждений, предрассудков, суеверий, национальных пережитков, национальной ограниченности и замкнутости»⁵⁶. Хотя эти идеи высказаны почти 40 лет назад, они актуальны и по сей день. Педагогам-практикам, педагогам-исследователям, родителям, всем, кто имеет отношение к воспитанию подрастающего поколения, в качестве методологического ориентира могут быть взяты его слова: «народ в наиболее чистом виде всегда представляют дети. Когда национальное умирает в детях, то это означает начало смерти нации. Когда есть непременная гармония между национальным и интернациональным, то чем больше национального в воспитании, в единстве с интернациональным, конечно, тем сильнее, культурнее, духовно богаче нация»⁵⁷.

И как бы в продолжение начавшегося диалога, в более поздних трудах ученого мы находим следующие его высказывания, которые уже в новых условиях могут служить методологическим ориентиром для исследователей этнопедагогов.

⁵⁵ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 374.

⁵⁶ Там же. С. 363.

⁵⁷ Там же. С. 180.

Первое: «в понятиях «народность», «народная педагогика», классовость, сословность далеко не на первом плане», и как бы разъясняя данный тезис, он пишет, что классовый подход к культуре в целом, в т.ч. и к педагогическому опыту не позволял до конца и во всех проявлениях выявить значение и содержание народного опыта воспитания.

Второе: в настоящее время приобретает особую актуальность преодоление безнационального характера так называемого интернационального сознания и поведения. Национальное, народное, истинно демократическое и гуманистическое должно быть в центре всех без исключения педагогических сочинений. В частности, — до сих пор отсутствуют исследования, в которых формирование определенного типа личности было бы представлено как результат влияния социально-педагогической культуры народа. В общественном сознании и на практике это обусловило игнорирование этнического своеобразия культуры и воспитания, под воздействием которых формируются не только отдельные личности, но и целые поколения и национальные общности. Поэтому наибольшую актуальность сегодня представляют теоретическое и практическое изучение этнопедагогических особенностей культуры воспитания и вооружение ими широкой общественности...

Третье: данное обстоятельство выдвигает необходимость целенаправленного изучения наиболее типичных способов жизнедеятельности различных наций, национальных групп, этносов. При таком подходе национальное воспитание предстает как часть всего комплекса основных сфер жизнедеятельности народных масс или этнической общности. Следовательно, во избежание поспешных выводов при исследовании этнопедагогических особенностей воспитания необходимо обращение к широкому комплексу социокультурных и этнокультурных ценностей⁵⁸. Ибо культура — есть форма одновременно бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур⁵⁹.

⁵⁸ См.: Волков Г.Н. Исследование, изучение, освоение и применение народной педагогики. Материалы Всесоюзной научно-технической конференции. Чебоксары, 1991. С. 6-21.

⁵⁹ См.: Библер В.С. // Вопросы философии, 1989, №6. С. 34-42.

В нашем понимании «этноэтика» включает в себя совокупность целей, задач, путей и средств воспитания нравственных навыков и приемов, применяемых народными массами для привития подрастающему поколению качеств, необходимых самому народу. Она включает также практическую деятельность этноса по воспитанию подрастающего поколения, благодаря чему эти навыки и приемы превращаются в убеждения. Это – нравственный опыт народа по воспитанию личности, об их моральных воззрениях, о нравственности как отдельно взятого человека, так и семьи, рода, племени, народности и нации. Этническая мораль рассматривает особенности национального характера, сложившиеся под влиянием исторических условий. Она сохраняется благодаря национальной системе воспитания и претерпевает эволюцию вместе с условиями жизни этноса, но она (то есть этноэтика) и есть сама нравственная культура народа.

Этноэтика также включает в себя систему выработанных данным народом приемов и методов нравственного воспитания, которые передаются от одних поколений другим и усваиваются ими прежде всего как определенные моральные знания и навыки, приобретаемые в процессе их жизнедеятельности. Она предполагает передачу социального опыта, норм поведения, общепринятых традиций и проявляется в моральных законах и традициях. Существовая со времени возникновения человеческого общества, она впитала в себя вековые традиции и требования к воспитанию детей.

Этноэтика имеет единую основу, опираясь на общепринятые, общечеловеческие нормы, правила воспитания. Каждый народ по-своему выражает, преломляет, реализует эти общие идеи и знания, исходя из национальных обычаев и традиций.

Опираясь на вышеизложенное, можно дать следующее определение этноэтики. Этноэтика – это совокупность накопленных и проверенных практикой нравственных знаний, сведений, умений и навыков, передаваемых из поколения в поколение преимущественно в устной форме, как продукт исторического и социального опыта различных этносов. Памятники этноэтики хранятся в созданных этносом сказках, легендах, эпосах, песнях, пословицах и поговорках и преломляются через призму национальных обычаев и традиций разных народов и, в конечном счете, имеют задачу целенаправленно воспитывать молодое поколение. Этноэтика и сегодня питает творчество ученых, по-

этов, писателей, олицетворяя преемственность, соединяя современность с нравственной культурой прошлого.

Этноэтика возникает и развивается под влиянием практических потребностей. Она имеет огромное значение для общей теории развития человеческой культуры. Создание такой теории едва ли возможно без глубокого изучения традиций народа в воспитании, его массовой нравственной культуры.

Как известно, этническое воспитание — это воспитание и в семье, и в роду, и в племени — в отдельности и вместе взятое, оно есть воспитание народное. Именно поэтому опыт этнического воспитания является той почвой, на которой вырастали первые этические теории.

«Этноэтика», предполагаемая, как новая система знаний могла бы объединять в своем составе данные этнологии и этнопсихологии, этнокультуры, представляла бы собой своего рода интегративную отрасль знания. Поэтому методологическую основу «этноэтики» должны составить методологические и теоретические положения названных наук, нацеленных на создание компактной системы народных представлений о нравственности.

Одним из ведущих в нашем исследовании является принцип учета особенного. В этой связи уместна следующая градация: этика — общее, этноэтика — особенное, нравственность какого-то конкретного этноса — единичное. Изучая этику, мы знакомимся с законами, закономерностями, принципами и методами нравственного воспитания, имеющими всеобщий характер. Создавая «этноэтику», мы конкретизируем нравственные знания с учетом этнической специфики. Нельзя жить по образцу другого народа, как бы не был заманчив этот образец, точно также нельзя воспитываться по чужой системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом деле должен испытать собственные силы. И действительно, каждый народ имеет свою неповторимую систему воспитания и специфику, связанную с особенностями психического склада, языка, национального характера, национального самосознания, обычаев и традиций, религии каждого этноса — то есть единичное специфическое характерно для конкретного этноса.

Народная мораль включает совокупность накопленных и проверенных жизненной практикой нравственных знаний, сведений, умений, навыков, средств, способов и приемов воспитания, передаваемых из поколения в поколение преимущественно

в устной форме как продукт исторического воспитательного опыта народа.

Народное воспитание представляет собой целостную интегративную нравственную систему взаимодействия поколений взрослых и детей в жизненном процессе.

Народная мораль, как духовное образование, является результатом коллективного творческого вклада людей труда в культурное богатство общества.

Народная мораль вообще включает в себя эмпирические нравственные императивы и средства без относительно к конкретной этнической общности, а этноэтика связана с конкретной этнической принадлежностью нравственных традиций, отражающих ее национальную самобытность. Народное трактуем как детерминацию морали, исходя из принципа взаимосвязи бытия и сознания трудящихся, а национальное как воплощение особенностей, обусловленных жизнью нации, своеобразием пройденного ею исторического пути. Такой подход позволяет интерпретировать народное и национальное в этноэтике как выражение коренных воспитательных интересов народа и нации, проявление их особенностей, взаимосвязи национального с интернациональным.

Народная мораль – форма сознания народных масс, часть их нравственной деятельности, выражающая больше всего интересы трудящихся. В отличие от нее этноэтика – этническое нравственное сознание определенной национальной общности, которое входит в непрофессиональную, бытовую нравственную деятельность каждой национальной общности.

Расшифровку этих определений можно получить с помощью этнографического и социологического подходов. Этнографический подход выявляет специфику воспитания и нравственных взглядов различных национальных общностей и рассматривает народную мораль как общезначимое явление. Социологический подход связан с изучением творчества народных масс, который в классово-антагонистических обществах отличается от официальной теории и практики и понимается как протонародная.

Народная мораль выделяется в качестве компонента народной культуры. В контексте культуры проявляется разграничение «народная культура» и «традиционно-бытовая культура». Термин «народная культура» был принят на основании того, что в прошлом традиционная культура определенного этноса была

народной и в социологическом смысле слова, то есть народные массы были носителями и творцами этнического слоя культуры. Термин «традиционно-бытовая культура» четко ориентирует на восприятие двух разных общественных феноменов. На основе концепции традиционно-бытовой культуры можно провести различие двух близких, но не совпадающих научных понятий: народная мораль и этноэтика. В этом контексте народную мораль следует рассматривать как учение о нравственной традиционно-бытовой культуре. Под этноэтикой следует понимать нравственную дисциплину, исследующую общественное сознание с учетом особенностей определенной этнической общности.

Этноэтика также изучает процесс межличностного общения и общения различных социальных групп. Она исследует моральные нормы, нравственные ценности, отраженные в сказках, песнях, загадках, поговорках, семейном укладе жизни, быте, традициях, формирующих личности, характерных для данного этноса.

Основная проблема, поставленная в работе, состоит в раскрытии этнических особенностей и национального своеобразия системы взаимоотношений людей, складывающейся веками на протяжении всей истории народов, причем ее особенности и своеобразия выступают свидетельством диалектики общего и особенного в нравственности этносов. Эта проблема предполагает исследование процесса формирования национального характера и рассмотрение его как результата влияния системы воспитания, присущей этнической общности.

Широкое использование фольклорного материала в исследовании требует введения более определенного научного термина, каковым является «этноэтика». Данная категория полнее и точнее передает содержание и сущность предмета, которым является моральная культура рода, племени, народности и нации, сказывающаяся в конечном счете и в общности психического склада той или иной этнической группы. Этнические особенности являются результатом взаимодействия и взаимообщения личностей и социальных групп в соответствующей этнической среде. Своеобразие нравственных традиций того или иного народа, составляющих важный элемент духовной культуры, объясняется своеобразием и особенностями исторических условий становления этноса.

В каждом народе есть нереализованные, потенциальные внутренние возможности роста, развития, расцвета. Для их реализации необходимы благоприятные условия и соответствующее воспитание. Всемирная история воспитания отрицает всякую этническую, национальную и расовую исключительность — речь может идти только о реализованных возможностях того или иного народа.

Путь к сокровенным движениям души представителей любого народа открывает изучение его этнической системы воспитания, обеспечивающей относительную устойчивость его национального облика. Только глубокое исследование исторически сложившейся системы этнического воспитания делает доступными истоки формирования национального облика, позволяет понять и оценить кажущееся необъяснимым своеобразие народного характера. Разгадка сложнейших этнических феноменов чаще всего в особенностях этнического воспитания. Таким образом, этноэтика оказывается ключом к пониманию невидимых сторон духовной и нравственной жизни.

Все прогрессивное, передовое в этноэтике переходит свои национальные границы и становится достоянием других народов, тем самым моральные сокровища каждой нации все более обогащаются творениями, приобретающими общечеловеческий характер.

Анализ своеобразия культуры того или иного народа осуществляется с точки зрения ее отношения к моральным традициям древних родственников, древних соседей, более поздних соседей и друзей. В этноэтике детально выясняется связь народной морали с этикой как формой общественного сознания. В самой такой постановке проблемы, как и в последующем ее рассмотрении, обеспечивается единство частного и общего, национального и общечеловеческого. С одной стороны, исследуются этнические особенности, с другой — выясняется общность народных нравственных культур. Такой подход детерминируется логикой самого предмета исследования, ибо, в конечном счете, подобное сопоставление позволяет показать на примере морали одного народа действие всеобщих нравственных закономерностей. Немаловажное значение имеет и следующее обстоятельство: сравнение моральных традиций разных народов исключает идеализацию нравственности того или иного народа.

Этноэтический подход предполагает рассмотрение нравственного процесса как естественно-исторический процесс. При этом воспитание – вечная и всеобщая категория – выступает как естественная форма деятельности и поведения. История этноса убедительно доказывает объективный характер законов нравственного процесса, она, как своего рода общественное самосознание народа, формировалась и развивалась на основе обобщения отдельных поступков людей и поведения народа в целом. Моральное поведение, нравственные действия людей, не получивших своей рефлексии в сознании, часто являются стихийными. Взрослые входят в контакт с детьми не только потому, что им это приятно (то есть по зову душевной потребности, личного интереса и по привязанности). Пример живой природы и ее эволюции позволяет рассматривать естественный процесс как наиболее оптимальный, надежный и эффективный процесс самоорганизации. Естественный процесс производит отбор в масштабах времени, в тысячи раз больших, которыми располагает экспериментатор.

Этноэтика имеет дело с объектом, отличающимся и количественным, и качественным многообразием, требующим своего анализа вероятностный подход. Если исходить из того, что в обществе действуют преимущественно статистические законы, проявляющие свою силу в зависимости от количества событий, то можно полагать, что именно в этноэтических выводах статистические законы проявляют себя наиболее наглядно и убедительно. В любой науке, в учении о нравственности народа имеет место целая иерархия выводов. Выводы из поведенческого опыта семей обобщаются на уровне улицы или даже деревни, а потом целой местности, и, наконец, целого народа. Но проходили многие столетия, пока люди и народы, лишенные грамотности, поднимались на новую ступень обобщения.

В соответствии с народными представлениями правомерно рассмотрение одного человеческого века как полного цикла: человек рождается внуком, умирает дедом. «И дед был чьим-то внуком», – гласит чувашская пословица. Правильное воспитание, по представлениям народа, обязательно предполагает подготовку самого подрастающего поколения к воспитательной деятельности и формирование у него серьезного отношения к личности будущих поколений. Расширение и углубление понимания народом сущности воспитания не шло в плане полного

вытеснения примитивных представителей, существовавших ранее, а предполагало их включение, как элементов, в новое понимание воспитательного процесса.

Именно поэтому исследование этноэтических ценностей может сыграть прогрессивную роль в преодолении пережитков прошлого, в выделении положительных народных традиций, полезных и для современной практики воспитания. Раскрытие исторической и идейной общности народных нравственных традиций создает условия для обогащения культурной сокровищницы каждой нации, творениями, имеющими общечеловеческий характер, и тем самым содействует как культурному развитию народов, так и укреплению дружбы между ними.

Кроме того, ввиду относительной устойчивости народных нравственных традиций, объясняемых вечным характером воспитания, этноэтические исследования могут оказать известную услугу и специалистам в области таких наук, как история, фольклористика, этнография, история философии, права и др., в разрешении некоторых проблем, связанных с изучением закономерностей духовного прогресса человечества.

Идеи вечности, необходимости и священности воспитания лежат в основе системы знаний о формировании личности. Научно-практическая, теоретическая актуальность этноэтики объясняется тем, что она содействует решению важных методологических проблем:

- 1) проблема истоков моральных знаний;
- 2) проблема коллективности творчества народных масс в сфере морали;
- 3) проблема преемственности опыта и идей в связи с оценкой наследия прошлого;
- 4) проблема зависимости темпов развития нравственной культуры от объема накапливаемой информации.

Общеизвестная истина, что каждая наука заинтересована в накоплении как можно большего объема информации. В устно-поэтическом творчестве народа, в его обычаях, традициях заключен колоссальный объем информации по вопросам воспитания. Поэтому вполне естественно, что исследование национальных традиций в состоянии дать такой поток научной информации, что в итоге не может не сказаться положительно и на развитии этической науки.

Таким образом, перечисленные проблемы, выступающие в тесной взаимосвязи, оказываются чрезвычайно актуальными по своему влиянию на общий прогресс человеческого познания. Они имеют самостоятельное значение и для этики, как для ее теории, так и истории. Практическое же значение таких исследований состоит в том, что этноэтика:

1) позволяет использовать в современной воспитательной практике положительный нравственный опыт народа, традиции, которые исторически оправдали себя;

2) исключает ограниченное толкование проблемы связи с жизнью только как подготовку детей к производительному труду, ибо рассматривает ее как духовную связь воспитания с жизнью народа, с его борьбой за лучшую жизнь;

3) утверждает выдающуюся роль семьи и высокую ответственность в воспитании детей, показывает функции общественных воспитателей и их необходимость и в современных условиях. Исследование тенденций к сближению народов, существующих в сфере воспитания и нравственной культуре с древних времен, содействует тому, что идеи единения становятся еще более близкими и необходимыми людям, что, в свою очередь, не может положительно влиять на повышение эффективности воспитания дружбы между народами. Все это подтверждает истину, по форме кажущуюся очевидной: для полноценного интернационального воспитания необходимо знание, признание и учет исторически сложившихся особенностей национального воспитания.

Прогресс морали был бы немыслим вне нравственных идей и опыта народа. Изучение народных традиций воспитания сказывается не только наиболее плодотворным и интересным, но и крайне необходимым. Народная мораль — это особая форма массового нравственного творчества.

Основные задачи этноэтики, определяемые вечным и общим характером воспитания, — это изучение специфики народной морали, ее возникновения, развития и современного состояния; ее места в жизни народа и роли в развитии нравственной культуры человечества. Наряду с этим она имеет и важные научно-практические задачи: на основе изучения новых нравственных процессов в народной среде, особенно в семье, выработать средства воздействия на эти процессы, а также способствовать про-

паганде наиболее ценного нравственного наследия, его усвоению и переработке в научной этике, параллельно — и применение всего этого в практике воспитания подрастающего поколения.

Таким образом, этноэтика — это интеграция научной мысли, основанная на достижениях различных наук. В ней стыкуются такие науки, как этнография, этика и фольклористика. Специфику науки создает единство концептуальности, метода и изучаемого объекта. Что касается метода исследования, то он отчасти, действительно этнографический, но направлен на изучение нравственного объекта и дополнен этическим содержанием, а также взаимодействует с этическими методами. Основная проблема состоит в раскрытии этнических особенностей и национального своеобразия нравственного воспитания.

На «этноэтику», как на одну из ветвей этики, распространяется действие известных этических законов, закономерностей, принципов.

Связи между разделами этики и этноэтики относим к разряду внутридисциплинарных, так как этноэтика — новое направление этической мысли — и здесь находит генетическую связь с теоретическими представлениями в области исследования нравственности.

Связь между этнологией и этикой — по объекту — жизнедеятельность этноса. Так как у этнологии предмет — теория этноса, то для этноэтики — теория этноса основа его логико-теоретического и терминологического аппарата.

По глубине отражения социальной действительности нравственные традиции можно отнести к сфере обыденного сознания. Еще Гегель писал: «В непосредственном созерцании я, правда, имею перед собой весь предмет в его целом, но лишь во всесторонне развитом познании, возвращающемся в форме простого созерцания, предмет стоит перед моим духом как некоторая внутри себя расчлененная систематическая целокупность»⁶⁰.

Основанием для выделения в общественном сознании обыденного и теоретического уровней служит: во-первых, степень глубины с которой та или иная область общественного сознания отражает действительность; во-вторых, специфика отражения (как осуществляется отражение, преимущественно стихийно или сознательно) и, в-третьих, степень обработки материала,

⁶⁰ Гегель Г.В. Соч., Т. 3. М., 1956. С. 252.

полученного в процессе отражения, степень его оформленности. То есть отражение действительности может выступать или в форме отдельных эмоций, настроений, переживаний, или в форме разрозненных суждений, или, наконец, в форме теорий, стройных концепций. Никакой абсолютной грани здесь не существует. Все структурные элементы обыденного и теоретического сознания взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга.

В обыденном сознании находят отражение самые различные стороны как внешнего, так и внутреннего мира самого человека. Практически нет таких сторон действительности, которые в той или иной степени не были отражены им.

Обыденное сознание отражает, прежде всего, внешние стороны объективного мира, свойства и отношения, все то, что в основном лежит на поверхности и для своего обнаружения не требует глубокого абстрактно-теоретического мышления. Ограничиваясь, чаще всего, миром явлений, оно не всегда способно обнаружить их существенные связи и отношения, вскрыть закономерности. Это духовное явление представляет собой непосредственное отражение действительности в сознании человека, соответствует уровню эмпирического познания.

Обыденное сознание формируется у людей как отражение непосредственной жизни, положения в обществе и т.д. и проявляется в виде социальных знаний, выраженных в различных понятиях, идеях, идеалах. «Характерной особенностью чувственно-конкретного знания, — пишет П.В.Копнин, — является отражение предмета во всей его непосредственности. Общее и существенное не отдельно, не отдифференцировано от единичного и случайного; связи между общим и единичным не обосновываются в своей необходимости, а выступают как эмпирическое данное... При этом само общее в чувственно-конкретном образе выступает в эмпирической форме, как сходное, одинаковое для ряда предметов; здесь мы еще по существу не имеем дела с познанием всеобщей природы предмета»⁶¹.

Таким образом, главными признаками обыденного сознания, которые отличали бы его от теоретического сознания, следует считать такие, как конкретность, ясность, образность, чувственность, самоочевидность, стихийность, значительно меньшая степень опосредованности, обобщенности и систематизации по

⁶¹ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 138.

сравнению с научным сознанием. Эти признаки являются специфическими для обыденного сознания, благодаря которым оно характеризуется как начальный уровень общественной сознательности по сравнению с теоретическим уровнем.

Обыденное сознание в силу своей большой роли в ежедневной жизни людей отражает существенные, жизненно важные для человека явления с достаточной глубиной. Это и позволяет людям правильно ориентироваться в окружающей обстановке. Связь человека с миром, его разносторонний жизненный опыт дают возможность сделать безошибочные выводы о самых различных явлениях, окружающих человека.

Характерной чертой обыденного сознания является сложность и противоречивость его подхода к реальному миру. С одной стороны, этому явлению свойственна некоторая метафизичность (статичность) – неумение понять диалектику изменений, рассмотрение социальных процессов вне их связи и взаимообусловленности. С другой стороны, ему присущи и стихийно диалектические воззрения на окружающую действительность. Гегель, глубоко вскрывший противоречивость между диалектическими и метафизическими⁶² способами мышления, полностью отождествил обыденное сознание с метафизическим взглядом на мир. Характеризуя возражения обыденного сознания против учения древнегреческих софистов как «воплъ здравого смысла, который иным образом не умеет себе помочь»⁶³. Гегель утверждал, что обыденный рассудок неизбежно впадает в софистику, поскольку он абсолютизирует истины и максимы, которыми руководствуется. В этой негативной оценке обыденного сознания сказался рационалистически-идеалистический характер учения Гегеля, согласно которому чувственно воспринимаемый мир не более как видимость (правда, объективная), к которой только и имеет отношение обыденное сознание.

Обыденное сознание, выраженное в фольклоре, определяется характером сознания его создателей и творцов – народных масс. Даже конструктивно-созидательный характер устно-поэтического творчества не свидетельствует о том, что оно есть более высокая форма сознания по сравнению с обыденным соз-

⁶² Термин «метафизика» использован как противоположность термину «диалектика».

⁶³ Гегель Г.В. Лекции по теории философии. Кн. 2. Соч. Т. 10. М.-Л., 1982. С. 6.

нением. Фольклор, как подлинное народное творчество, выражает сознание народа и эстетизирует его элементы.

Фольклор отражает все явления общественного бытия, в том числе и явления общественно-политической жизни. Многие из того, что непосредственно касается существенных сторон жизнедеятельности народных масс, в народной мудрости всегда находило и находит свое отражение, проявление в той или иной мере.

Это особый род синтеза повседневного опыта и здравого смысла, эмпирического и всеобщего, имеющий ценностный характер. Формы ее выражения могут быть различны — от афористических умозаключений (пословицы и поговорки) до своеобразных алгоритмов деятельности.

Сфера, которую отражает обыденное сознание, характеризуется вплетенностью в повседневность с ее реальными жизненными проблемами, поэтому проявление сущности и явления, отраженное обыденным сознанием, следует искать именно в этой сфере. Безусловно, обыденным сознанием в первую очередь «схватывается» многообразие явлений, как внешнее выражение сущности. И, наконец, оно свое оформленное выражение находит в народной мудрости, этнософии, для которой характерно стремление к преодолению эмпирии.

Но было бы ошибочным утверждение, что в народной мудрости выражена, так сказать «чистая», «рафинированная» сущность того, что мы познаем. В том то и вся специфика, глубина народной мудрости, что через фиксацию многообразных явлений «высвечивается», «выкристаллизовывается» сущность, никогда полностью не совпадая со своими явлениями, ни взятыми раздельно, ни в совокупности. Это положение доказывается на примере анализа пословиц и поговорок.

Этнософия — это не только отражение мира, но и отношение к действительности, поэтому она включает в себя не только знания о действительности, о мире, его свойствах, но и оценку окружающего мира и самого человека. И это очень важная характеристика народной мудрости, подчеркивающая ее своеобразие, отличительную особенность по сравнению с теоретическим уровнем сознания.

Этнософия является одним из элементов обыденного сознания, которая возникает и развивается, отражая общественные закономерности, вместе с тем утверждая свою специфику, которая заключена в гносеологических и аксеологических особенно-

стях осмысления действительности, в своеобразном выражении взглядов, потребностей, мировоззренческих ориентациях народных масс. В структуре обыденного сознания народная мудрость формируется и функционирует в его «верхнем» слое, то есть там, где осуществляется преодоление крайнего эмпиризма, свойственного обыденному сознанию вообще.

Исследование этнософии невозможно без изучения вопроса о здоровом смысле, т. к. даже при самом его рассмотрении становится очевидным, что здравомыслие является существенной характеристикой народной мудрости. Здравый смысл в своем специфическом качестве выступает неформальным познавательным или оценочным критерием рациональности мышления и действий. Здравый смысл правомерен как метод (способ) обыденного мышления, ибо в состоянии выполнять свои функции в непосредственно доступных ему областям обычной, повседневной жизнедеятельности. В многослойной, противоречивой структуре обыденного сознания здравый смысл как метод обыденного мышления в основной своей функции несомненно присутствует прежде всего в народной мудрости. Сформированная в лоне обыденного сознания, воплотившая в себе все его лучшие черты и свойства, опирающаяся на обыденный здравый смысл как рациональное основание повседневного мышления, она представляет собой конгломерат принимаемых людьми правил понимания и оценки, регулятивов действий в определенных ситуациях, прошедших многократное и весьма серьезное испытание в практической деятельности людей в течение многих столетий.

Ввиду того, что этнософия и здравый смысл не просто соотносимые понятия, а вне здравого смысла не может существовать народная мудрость, вполне логично предположить, что фиксированное в народной мудрости, имеет свои рациональные основания. Это касается многих народных обычаев, традиций, нравственных оценок, мировоззренческих ориентаций. Все они концептуально не оформлены, но на основании опыта многих поколений людей эмпирически систематизированы. Это эмпирические обобщения, представляющие собой результат сравнения различных предметов и явлений, наблюдения и интуиции, выделенные посредством абстрагированных общих признаков, из которых на основании здравого смысла отбираются уже существенные. Это синтез многолетнего и многовекового опыта на-

родных масс, используемый в различных областях повседневной жизни людьми.

Непосредственная связь с практикой определяет логику развития этнософии и ее конкретно-историческое содержание, ибо она находится в прямо пропорциональной зависимости от развития практики в контексте всего исторического процесса. Здравый смысл народной мудрости не есть нечто застывшее и неизменное. В нем отлагаются рациональные зерна, вынесенные из массового обыденного сознания, имеющего ценность для субъекта. Именно здравый смысл определяет степень соответствия моральных норм, ценностных ориентаций, установок, представлений о пользе, красоте, гармонии, осмысленности жизни, обоснованности тех или иных решений. И именно он открывает возможность нового опыта, новых взглядов, норм поведения и общения. Поэтому народная мудрость не является раз и навсегда данным, застывшим, «законсервированным». Как сплав, особый род синтеза обыденного здравого смысла и повседневного опыта, народная мудрость также развивается и изменяется, подвижна и открыта к восприятию нового содержания.

Этнософия представляет собой «верхний этаж» обыденного сознания, является тем ключевым звеном, когда обыденное сознание достигает такой степени обобщения, проникновения в «первопорядковые» сущности вещей и явлений повседневной жизнедеятельности, за которыми следует «скачок» в переходе к специализированному уровню общественного сознания. Поэтому народная мудрость образует основу культуры, ее «почву», которая оплодотворяет специализированные формы общественного сознания.

Заметим также, что произведения устного народного творчества представляют собой сложное и многогранное восприятие действительности. Совокупность этих представлений составляет систему взглядов народа о мире, природе, о самих себе.

Хаотичность — это свойство, присущее лишь определенным уровням развития обыденного сознания, поэтому данное свойство нельзя распространять на все его формы и на все его состояния. Именно первоначальная систематизация постепенно подготавливала условия для дифференциации первобытного сознания на виды и формы. То есть на уровне обыденного сознания имеет место слабая систематизированность, первичная упорядоченность и классификация.

Обыденные знания в большей мере используют устные каналы связи и тиражирования мыслей. Естественно, это сказывается в особых формах представления этих знаний: обыденный язык богат сравнениями, отличается оригинальностью, выразительностью, многообразием словесно-речевых приемов.

Основная задача обыденного сознания не сводится к приспособлению людей к окружающим явлениям и процессам, они также претендуют на преобразование их. Это хорошо понял и увидел Кант. «Человеческий разум, — писал он, — даже при самом обыденном рассудке легко может достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности»⁶⁴. В этом решающая роль принадлежит объективному положению обыденного сознания, его общественно-значимому характеру, который позволил обыденному сознанию даже в условиях стихийного развития достичь определенной степени правильности, истинности и стать одним из развитых явлений общественного сознания. Выясняя соотношение практического и теоретического разума в повседневной человеческой жизнедеятельности, Кант отмечает, что нельзя не удивляться тому, «как много преимуществ имеет в обыденном человеческом рассудке практическая способность суждения перед теоретической»⁶⁵.

Все отмеченные черты обыденного сознания характерны и для обыденного морального сознания, народной морали или этноэтики, хотя последнему присущи специфические признаки. Этноэтика, как и вообще обыденное сознание в целом, складывается из совокупности привычек, массовых восприятий и представлений, норм и принципов, которые возникают чаще стихийно, отчасти под влиянием воспитания, обучения, личного опыта.

Эмпирические знания в сфере морали функционируют прежде всего как правила поведения, которые представляют собой, как отмечает И.В.Суханов, «... детальное предписание в конкретной ситуации» и являются важной формой регуляции поведения личности. Многократно повторяясь, они приобретают устойчивость стереотипа и составляют содержание обычая. На обыденном уровне формируются и более сложные, чем правила поведения, моральные представления, которые выступают в ви-

⁶⁴ Кант И. Основы метафизики и нравственности. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1963-1966. С. 226.

⁶⁵ Там же. С. 240-241.

де требований к поведению людей. В отличие от правил поведения они предписывают человеку не только то, как себя вести, но и то, каким ему быть, то есть требуют выработки нравственных качеств, соответствующих поведению. На основе правил поведения и нравственных требований у людей складываются критерии нравственных оценок, поступков и действий окружающих людей»⁶⁶.

«Этноэтика» как здравый смысл констатирует определенные связи действительности, устанавливает факты их существования, дает знания о них. Ибо важнейшим фактором поведения не только человека, но и животных является та или иная степень информированности об обстановке, в которой им надлежит действовать. Для человека, как разумного существа, испытывающего не только потребность в информации, но и подвергающего ее анализу, еще большее значение имеет сопоставление неизвестных с ранее известными фактами, словом — осмысление стихийно существующих нравственных отношений, представлений и впечатлений. Это означает, что этноэтике предшествует определенный этап познания фактов, отдельных явлений, что также составляет важную основу образования и формирования моральных рекомендаций.

Эти «знания морали», черпаемые из повседневного опыта и проверяемые им, откладываясь и накапливаясь в особую форму знаний, в их разновидность, именуемую «здравым смыслом» и составляют основу этноэтики.

Здравый человек фиксирует в морали, прежде всего, то, что лежит на поверхности — моральную автономию личности и необходимость человеческого общения. Это целый ряд моральных норм как общеобязательных в общении между людьми: «поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»; «люди должны выполнять заключенные ими соглашения»; «человек, которому другой оказывает благодеяние, должен стремиться к тому, чтобы оказывающий благодеяние не раскаялся»; «всякий человек должен признавать других равными себе от природы». В этих нормах заключено обобщение обыденных представлений о простых обязанностях людей по отношению друг к другу.

⁶⁶ Суканов И.В. Обычаи и традиции и их социальные функции Горький, 1973. С. 146.

В повседневной жизни происходит не только оценка уже признанных явлений или прошедших событий; на основе формирующихся знаний складываются и определенные нормы поведения, которые затем становятся обязательными для всех членов той или иной социальной общности. Например, «золотое правило» нравственности («не поступай по отношению к другому так, как ты не хотел бы, чтобы они поступили по отношению к тебе»), а также целый ряд других принципов.

Регулируя нравственные отношения в обществе, эти нормы морали выражают заинтересованность общества в поддержании элементарного порядка. Это такие предъявляемые обществом к поведению личности требования, соблюдение которых обеспечивает совместную жизнь и деятельность людей. Простота таких норм — в конкретности требований того, что человеку рекомендуется делать и чего следует избегать. Эти нормы нравственности включают в себе интерес всего общества в целом, а через общество и интерес каждого человека. Элементарными они называются еще и потому, что необходимы человеку на каждом шагу его деятельности, постоянно. Социальная целесообразность элементарных норм поведения всем понятна и очевидна, ибо они предостерегают человека от нежелательных поступков. Верность этим нормам обеспечивает элементарный общественный порядок.

Существует ошибочное мнение о том, что для усвоения обыденной морали достаточно личного опыта человека. Это не совсем так. Они доступны настолько, что каждый понимает и принимает эти нормы как целесообразность для всех людей. Элементарные нормы нравственности вовсе не означают легкости их исполнения: в особо сложных условиях верность им требует от человека максимальной мобилизации физических и духовных сил, а поведение человека приобретает сложную форму, равносильную подвигу.

Элементарные нормы нравственности, являясь составной частью обыденного морального сознания, представляют собой своеобразное отражение общественного бытия и являются определенными требованиями к поведению человека в повседневной жизнедеятельности.

Несмотря на то, что каждый исторический период несет новую или обновленную нравственность (например, новое содержание понятия совести), элементарные общие ее черты прису-

щи каждому человеку с нормальной физической организацией и здоровым нравственным чувством. Всякий человек, воспитанный в духе уважения к самому себе и к достоинству других людей, питает физическое отвращение к преступлению, связанному с нарушением простейших нравственных норм. Можно сказать, некоторые существенные элементы в общечеловеческом содержании совести как раз и представляют отражение элементарных правил человеческого общежития. Народное понимание совестливости всегда подразумевают способность человека поступать в соответствии с этими нормами.

Возникновение и существование этноэтики имеют свои объективные и субъективные предпосылки. К первым следует отнести:

а) некоторые элементы, имеющиеся в общественно-исторической практике: борьба с природой, совместная жизнь, участие в коллективном труде, создание семьи и воспитание детей и т.д.;

б) так называемые «первые жизненные потребности» в пище, жилище, одежде, здоровье, духовные потребности (знание, общение, дружба и т.д.). Удовлетворение указанных потребностей предполагает действия моральных норм, к которым люди выражают почти одинаковое отношение. Эти устойчивые связи и отношения как раз и фиксируются у разных народов и разных поколений людей в виде норм отношения человека к человеку.

С субъективной стороны всем нормальным людям, живущим как в разные исторические эпохи, так и принадлежащим к разным классам одного общества, присущи в известной степени общие психические черты. Все люди, независимо от общественных классов, рас, национальных особенностей, обладают одинаковой способностью ощущать окружающий мир, запоминать и мечтать, мыслить и общаться при помощи языка. Все люди проявляют чувство удовлетворения и неудовольствия, радость и печаль и т.д. Эти общие всем психические особенности формируются в ходе общественно-исторической практики.

Взаимоотношение объективных и субъективных сторон приводит к формированию сходных и тождественных элементарных норм нравственности на «низшем», обыденном уровне сознания у разных народов и объясняет их устойчивость и необычную силу преэмптенности.

Этноэтика играет важную роль в процессе формирования самосознания человека как отражение условий его бытия, с од-

ной стороны и фактора, регулирующего и направляющего его деятельность с другой стороны. По этим соображениям можно отнести элементарные нормы нравственности людей и их твердое соблюдение к области самосознания. Это происходит и потому, что нарушение элементарных норм морали субъектом вызывает в нем определенные переживания нравственного характера. Нарушение повседневной морали переживается и выражается в отрицательных чувствах и оценках, что, безусловно, является результатом осознания себя как субъекта нравственных отношений.

2.3. Социально-психологические уровни сохранения нравственных традиций этноса

Перед нами стоит задача выяснения вопроса о том, каким образом осуществляется взаимосвязь нравственного сознания, общественной психологии и поведения людей. Но логика нашей работы требует, чтобы мы вначале в общих чертах выяснили природу общественной психологии. К.Ф.Поршнев, отстаивая идею о том, что социальная психология не является психологией «второго порядка», считает, что социально-психологические явления глубже отражают действительность, чем индивидуально-психологическое⁶⁷.

В настоящее время исследователи, придерживаются психологического подхода к анализу общественно-психологических явлений, специфику последних усматривают главным образом в том, что они складываются в процессе общения, и преимущественно непосредственного общения, в контакте людей. В общей психологии основное внимание сосредоточено на законах внутренней, отражательной деятельности субъекта⁶⁸.

Авторы книги «Социальная психология» справедливо обращают внимание на важность общения между людьми, на необходимость учета социальных контактов. При этом они замечают, что «социальная обусловленность социально-психологических явлений носит более конкретный, более явственный и более сложный характер, так как они зависят от микросреды, от не-

⁶⁷ См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 67.

⁶⁸ См.: Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. Л., 1979. С. 63-64.

посредственного контакта между людьми и на них существенно влияет микросреда»⁶⁹.

Несомненно, что общественно-психологические и индивидуально-психологические явления отражают общение. В нем проявляется действие таких социально-психологических механизмов как убеждение, внушение, подражание, взаимозаражение и др. «И все же нельзя, — подчеркивает, А.К.Уледов, — преувеличивать роль общения, превращать его в центральное явление данной науки. Дело в том, что общение — это лишь персонифицированная форма общественных отношений»⁷⁰. Согласно мнению А.К.Уледова, для уяснения природы общественно-психологических явлений, как и других духовных образований, следует обращаться к самому глубокому источнику — к деятельности людей и общественных отношений, складывающихся в процессе ее осуществления, а не ограничиваться лишь общением.

Согласно основополагающему положению К.Маркса, люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»⁷¹.

Вступая в определенные общественные связи и отношения, люди совместно переживают, чувствуют, оценивают, одобряют или не одобряют что-то, то есть их сознание принимает определенные общественно-психологические состояния. Формы общения между людьми связаны с обменом чувствами и эмоциями, то есть обмен связан с явлениями, а важно видеть за ними сущность — глубокие общественные отношения, отражением которых выступает общественная психология.

Специфика общественно-психологических явлений возникает не просто в непосредственном общении людей, а в результате их принадлежности к социальной общности как целому. Эти явления выражают состояния сознания данной социальной общности.

⁶⁹ Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. Л., 1979. С. 63-64.

⁷⁰ Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 88.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 441.

сти, что является первейшей существенной чертой общественной психологии.

Н.С.Мансуров дает следующую характеристику социально-психологических явлений, порожденных различными общностями и объединением людей. К ним относятся общественное мнение, общие представления о мире, ценности, вкусы, нормы поведения, общее настроение, национально-психологические общности, национальные традиции, привычки и т.д.⁷².

Согласно взглядам И.Т.Левыкина, общественная психология — это потребности и интересы, социальные чувства и эмоции, настроения, массовидные явления психики (нравы, обычаи, привычки, мода и т.п.), отражающиеся в общественном мнении, ценностные ориентации, жизненные планы и установки, идеалы, воззрения, убеждения, проявляющиеся в стимулах и мотивах деятельности⁷³.

Общественная психология, то есть нравы, обычаи, чувства и настроения, потребности, вкусы и интересы, привычки и традиции влияют на сознание и поведение человека. Общественная психология, выступая в качестве массового, обыденного или индивидуального сознания, является побудительной силой для людей.

Особенность общественной психологии состоит в том, что она есть проявление массового общественного сознания, в то же время как идеология — это специализированное общественное сознание. Сами термины «общественное настроение», «общественное мнение», «морально-психологическая атмосфера», «психологический склад», употребляемые для обозначения общественно-психологических явлений, говорят о том, что мы имеем дело с образованиями, распространенными в рамках данной общности людей, социальной группы. Они преобладают не во всем обществе, а в рамках определенного социального целого: социальной группы, производственного коллектива, семьи, общения между людьми.

Взаимодействие нравственного сознания, социальной психологии на уровне образа жизни сводится главным образом к

⁷² Мансуров Н.С. О системообразующих понятиях общественной психологии. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 18.

⁷³ Левыкин И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 72-73.

регуляции поведения человека. Он не может осуществлять совместную деятельность, общение, не руководствуясь определенными общими правилами, общественными установлениями. Социальная регуляция поведения обусловлена потребностями жизнедеятельности людей. Нормальная жизнедеятельность немислима, если отсутствуют определенные правила, нравственные установки. У человека имеются внутренние регуляторы, то есть идеалы, цели, осознанный общественный долг, совесть и т.п., которые проявляются в мировоззрении человека. Внешние (общественное мнение) и внутренние (уровень сознания) регуляторы не могут существовать не будучи между собой связанными и не питая друг друга духовными ценностями. Если общественные установки, мнения выражают коренные интересы членов социальной группы, то они выполняются без внешних принуждений. В таком специфическом регуляторе, как нравственные традиции, присущие коллективу, превалируют социально-психологические элементы.⁷⁴

Нравственное сознание в реальной жизни проявляется в человеческой деятельности. Деятельность людей выступает как исходный элемент живой социальной реальности. Только в деятельности проявляется все то, что присуще человеку. Человек свои действия строит исходя из общепринятых норм и ценностей. Деятельность всегда происходит в процессе общения. А.Н.Леонтьев трактует общение как определенную сторону деятельности: оно включается в любую деятельность, есть ее элемент, в тоже время саму деятельность можно рассматривать как условие общения.⁷⁵

Нравственное сознание и нормы поведения, выступая в качестве социально-психологических установок, стереотипов, включается в процесс внушения. Социально-психологические установки способствуют внушению и выполняют особую роль в механизме взаимосвязи нравственного сознания и образа жизни людей.

Как совокупность обыденных переживаний, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь че-

⁷⁴ См.: Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973; Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1978; Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982; Традиции, обряды, современность. Киев, 1983.

⁷⁵ См.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965. С. 271.

ловека, этноэтика тесно связана с общественной психологией. Его характерной особенностью становится эмоциональное восприятие всего того, что осознается и осмысливается человеком.

Повседневные нравственные представления складываются на основе чувственного восприятия и поэтому находятся в диалектическом единстве с общественной психологией. «Чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, — писал Г.В.Плеханов, — недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории и идеологии»⁷⁶.

Большинство авторов, работающих над этой проблемой, определяют социальную психологию как совокупность чувств, установок, побуждений, эмоций, настроений, переживаний, особых черт характера, потребностей, интересов, привычек, традиций, возникших у массы людей под влиянием повседневных условий их существования.

Общественная психология проникает вообще в любой процесс познания. В своем возникновении и развитии она испытывает преимущественное воздействие специфических социально-психологических законов, не тождественных логическим, не совпадающих с ними. Общественная психология подчеркивает чувственно-эмоциональную сторону познания и общения. Специфичность социальной психологии по сравнению с обыденным сознанием состоит в эмоционально-волевой насыщенности ее элементов. Разумеется, эти элементы представляют не просто эмоциональную часть, а скорее сплав эмоционального и рационального.

Из сопоставления структурных элементов обыденного сознания и общественной психологии можно заметить, что знания и потребности, знания и чувства, знания и традиции и т.д. представляют собой единство разнокачественных психических явлений. Обыденное сознание и общественная психология не являются тождественными: обыденное сознание — это совокупность определенного типа представлений, знаний и убеждений, а общественная психология — это совокупность определенных соци-

⁷⁶ Плеханов Г.З. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. 2. С. 247.

ально-психологических, эмоционально-волевых явлений, не сводимых к знаниям.

Обыденное сознание и общественная психология тесно переплетены, имеют ряд близких точек соприкосновений, оказывают воздействие друг на друга. Общественная психология выражает эмоциональное отношение не только отдельной личности, но и социальной группы, общества в целом к событиям, происходящим в нем. Предмет общественной психологии — это эмоциональный фон выражения чувств, настроений, сопровождающих любую социальную идею и даже мировоззрение в целом.

Что касается обыденного сознания, то оно представляет форму знаний о природной и социальной действительности, о внутреннем мире человека. Оно соприкасается с общественной психологией в том случае, если степень осознания человеком своих социальных чувств и эмоций не поднимается до их теоретического осмысления. Все это говорит и о различии понятий обыденного сознания и общественной психологии, но это не исключает их совпадения и переплетения.

В повседневной жизни социально-психологические явления, как правило, не поднимаются выше обыденного уровня и носят в основном неосознанный характер. Это объясняется тем, что источником формирования социальной психологии, так же, как и самого обыденного сознания, выступает жизненный опыт людей, складывающийся стихийно под влиянием различных практических проблем. Вне социальной психологии невозможно представить себе обыденное сознание, так как оно в значительной степени объективируется, выливается в ней.

Как и повседневное сознание, общественная психология, выступая средством ориентировки людей в окружающих условиях, средством приспособления к существующим отношениям, вплетена в их практическую деятельность. Благодаря тому, что в повседневной жизни общественная психология связана с отражением конкретных форм проявления существующих общественных отношений, ее идеологический момент, как и в обыденном сознании, связан с ближайшими интересами определенной социальной группы, основывается преимущественно на чувствах, переживаниях, присущих данным группам.

Общественная психология — необходимый компонент всех форм общественного сознания и всех его образований, в том числе обыденного и теоретического сознания.

По мнению А.И.Горячевой, в зависимости от способа включения в них социально-психологических элементов, формы общественного сознания разделяются на две группы.

Первую образуют политическое сознание, право, наука и философия, которые с точки зрения их содержания, путей разработки и обоснования, средств выражения представляют собой преимущественно рассудочные формы сознания.

Вторую группу составляют нравственное сознание, мифология, религия, искусство. Эти формы общественного сознания представляют собой не только виды понятийного, но и чувственно-эмоционального отражения, специфические формы организации общественной психологии⁷⁷.

Социальная психология оказывает существенное влияние на формирование традиций. Традиции отражаются в субъективном сознании, его чувственной сфере, в нормообразных и ненормообразных формах. Первые в силу устойчивости, стабильности, закономерности относятся к такой группе социально-психологических образований, которые обычно в литературе называются «психическим складом». Вторые, поскольку они являются преимущественно, малоустойчивыми, бессистемными, обозначаются термином «психический сдвиг». Отражение традиций в социально-психологической сфере общественного сознания в связи с этим осуществляется в системах разного характера: одни из них способны служить идеальным (психическим) эквивалентом реальных традиций, другие нет.

В самом деле, многие психические образы (аффекты, эмоции и т. д.) возникают в субъективном сознании не более как неспецифические непосредственные реакции на те или иные реально существующие традиции. Эти и другие подобные психические формы отражения скоропреходящи, аморфны, структурно неотдифференцированы (совершенно разные объективно существующие традиции могут вызвать у субъекта примерно одинаковые эмоции: радость, ликование, отвращение и пр.). Главное же, что все аналогичные психические образы из группы «психический сдвиг» не являются структурно подобными, тождественными, структуре реальной традиции: будучи образами последней, они тем не менее не выступают нормообразами, то есть

⁷⁷ См.: Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология. Л., 1979, С. 169.

законами, ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения формы отражения.

Особенность большинства форм отражения из группы «психический склад» состоит не только в том, что они отличаются устойчивостью, повторяемостью и наделены чертами системности, закономерности, но и в том, что в ряде случаев они связаны исторической преемственностью. Другими словами, психические образы из этой группы способны при определенных условиях не только отражать традиции в аутентичных формах, то есть образах-традициях, и, следовательно, нормообразно, законообразно, но и складываться в специфическую традицию. Именно к этой группе, «психическому складу», и относятся привычки и навыки, являющиеся не только специфично-психическими, но и аутентичными или во всяком случае приближенными к таковым формам отражения, реально складывающихся в системе общественных отношений традиций, формами, характерными именно для социально-психологической сферы общественного (и индивидуального) сознания.

Действительно, привычка представляет собой такую психическую форму, в основе которой, по И.П.Павлову, лежат условно-рефлекторные связи, именуемые в физиологии нервной системы динамическим стереотипом⁷⁸. Огромную роль в образовании привычек играют повторяемость, устойчивость сигналов-раздражителей. Учитывая данное обстоятельство, легко установить, какую благодатную почву представляют собой традиции и обычаи для образования привычек. Если теперь принять во внимание психофизиологический механизм формирования и действия привычек, можно, в случае когда традиции и обычаи служат их реальным основанием, сказать, что именно последние как специфично-социальные образования обуславливают социальный характер привычек, поскольку становятся их содержанием (объективным содержанием субъективных образов). Стало быть, по отношению к образованиям группы новых «психических актов» традиции и обычаи лишь иницируют то или иное поведение субъекта, осуществляют более глубокую детерминацию — определяют внутреннюю структуру субъективного отражения и поведения, делают их нормообразными

⁷⁸ См.: Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. 4. М.-Л., 1951, С. 415.

(феномены «традиционная деятельность», «традиционное поведение» и т.д.).

Г.В.Плеханов отмечал: «Люди привыкают к данным верованиям, данным понятиям, данным приемам мысли, данным способам удовлетворения данных эстетических потребностей»⁷⁹. Таким образом, в определенной ситуации содержанием привычек могут быть социальные отношения, в том числе и традиции. Понимание привычки как традиции позволяет глубже понять сущность воспитания на традициях. Примечательны в этом плане мысли А.С.Макаренко. «Настоящая этическая норма, — учил он, — становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки...»⁸⁰.

Элементы общественной психологии занимают важнейшее место в нравственном сознании. Основной социальной функцией морали является регулирование поведения через внутренний мир оценок, убеждений, чувств, психологических качеств человека. Ни на каком из своих уровней нравственное сознание не может ни включать в себя, ни выражать так или иначе эмоционального момента. Именно это имел в виду известный автор работ по вопросам этики А.Ф.Шишкин, когда он, поддерживая мысль о необходимости разработки психологии морали, писал: «Значение психологии для этики, для научного анализа вопросов огромно, ибо изучение вопросов нравственного поведения, нравственного выбора, оценки не может игнорировать процессы психологической деятельности, ее структуру, типы и проявления человеческого характера, темперамента, мыслительной деятельности, мотивов, волевых качеств, эмоций и т.д.»⁸¹.

Обычно различают две стороны морали — идеологическую и социально-психологическую. К идеологическому уровню морали относят систематизированные нравственные идеалы, взгляды, принципы, а к ее социально-психологическому уровню нравственное обыденное сознание (традиции, обычаи, чувства, эмоции и настроения).

Социальная психология — необходимый компонент в процессе реализации моральных норм, где именно проявляется ее спе-

⁷⁹ Плеханов В.Г. Избранные философские произведения. М., Т. 2. 1956. С. 218.

⁸⁰ Макаренко А.С. Соч. М. 1958. Т. 5. С. 435-436.

⁸¹ Шишкин А.Ф. Этология и этика // «Вопросы философии», 1974, №9, С. 119.

цифическая функция. Мораль органически включена в социальную психологию. Моральные нормы, взгляды, идеалы принимают в ней устойчивые формы своего бытия, сливаются с установками масс на определенные виды деятельности и, следовательно, с воспроизводством определенных, соответствующих этим установкам нравственных отношений.

Отношения между моралью и социальной психологией — это не отношение между частью и целым, а отношение определенной функциональной зависимости. По отношению к морали социальная психология представляет собой один из факторов реализации норм, одно из важнейших средств актуализации механизма нравственного регулирования.

Обыденное нравственное сознание выражается не только в знании личностью или группой людей тех или иных норм морали, но и в потребности их практической реализации, а также в осознанном, эмоциональном переживании своих действий.

Нравственным привычкам, так же как и другим видам привычек, присущ элемент автоматизма. Сознательное и привычное в поведении людей находится в тесном взаимодействии. Нравственное поведение, будучи мотивировано нравственным сознанием, регулируется и оценивается им, вместе с тем содержит и непроизвольные и неосознанные элементы: эмоциональные переживания, автоматического срабатывания привычек и т.п. Нравственные привычки являются одним из факторов действительности моральных норм и существенным условием закрепления определенного типа нравственности в практике поведения. Именно посредством привычек нравственные идеи и принципы прочно входят в повседневную жизнь человека, обретают неразрывную связь с его поведением, образом жизнедеятельности.

Социальная психология функционирует как ансамбль настроений, эмоций и действий, как стереотипы и установки поведения, присущие различным группам людей. Социальные чувства — это не только побуждение или тонизатор деятельности, а форма, в которой моральные знания, убеждения и качества личности находят свое подлинное бытие.

По существу, знания становятся убеждениями только тогда, когда они оплодотворены силой переживания, а со своей стороны эмоция становится нравственным чувством тогда, когда переживание опосредствовано моральным знанием. Никакие моральные нормы, принципы и идеи не могут утвердиться в

сознании человека, если он сам остается эмоционально непричастен к ним. Поэтому и формирование нравственной потребности неотделимо от создания эмоционального отношения личности к предписываемым нормами действиям, от непосредственного переживания необходимости поступать сообразно этим нормам.

Одним из направлений социальной психологии выступает этническая психология. В словаре по психологии этническая психология (этнопсихология) (от греч. *ethnos* – народ, племя), определена как отрасль социальной психологии, изучающая особенности психического склада и поведения людей, обусловленные их национальной принадлежностью или этнической общностью⁸². В «Своде этнографических терминов» дается следующее ее определение: «этнопсихология – междисциплинарная отрасль знания, изучающая этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания, этнических стереотипов и т.д.»⁸³.

Основные проблемы этнопсихологии: зависимость между типом деятельности и характером культуры, с одной стороны, и особенностями поведения и психики членов исследуемых этнических общностей – с другой. Эти проблемы являются междисциплинарными, их изучение требует сочетания социологических, этнографических и психологических методов. Как видно из определений этнопсихологии и основных проблем, исследуемых ею, имеется много точек соприкосновения между этнопсихологией и этноэтикой, это – проблемы формирования национального самосознания, национального характера, национального чувства и т.д. В связи с этим, необходимо тщательное и глубокое изучение и разработка этнопсихологических основ этноэтики.

В жизни нации в тесной связи с национальной психологией находятся национальные обычаи и традиции. Особенности национальной психологии ярко проявляются в культуре, быту, а также в обычаях и традициях. Каждый народ сохраняет и передает из поколения к поколению свои обычаи и традиции, они формируются как неразрывная составная часть его национальной бытовой культуры. Разумеется, с изменением уровня жизни

⁸² См.: Психологический словарь. М., 1983.

⁸³ Свод этнографических понятий и терминов. М., 1988. С. 103.

нации меняются и развиваются традиции. Формируемые в зависимости от потребностей, связанных с уровнем развития материального производства, обычаи и традиции являются формой взаимоотношения людей.

Компонентом психического склада нации являются национальные обычаи и традиции. Национальные обычаи и традиции означают устойчивые социальные, культурные и бытовые нормы жизни нации. Они являются национальным выражением принципов морали. Через обычаи и традиции раскрывается психический склад нации. Психический склад более консервативен и устойчив, чем национальный характер. Если национальный характер связан только с такими психологическими чертами, как темперамент, воля, духовные свойства и качества, то психический склад, кроме вышеперечисленных, охватывает формы специфических потребностей и интересов быта, семьи, культуры, выраженные в национальных обычаях и традициях. Национальные обычаи и традиции выступают как внешние факторы, как сила общественного мнения, как материализованные идеи, регулирующие общественное поведение представителей данной нации.

Касаясь этнической специфики в содержании обыденного сознания, А.Н.Леонтьев отмечал, что это прежде всего относится к так называемым «значениям» – стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения». «Представляя пограничную зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, – писал А.Н.Леонтьев, – эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании типичных для каждого этноса свойств. Утрата (или приобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств. Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, то есть так называемые модели мира»⁸⁴.

Этнопсихология считает неприемлемой национальную характеристику, содержащую момент: не может быть плохих и хороших народов. В то же время признается, что какая-то доля та-

⁸⁴ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 287.

ких характеристик имеет вполне научное, объективное значение. Если от них отказаться совсем, то каким же образом отмечать национальные особенности.

Автостереотип может быть рассмотрен как программа народного воспитания и самовоспитания, сформулированная в наиболее общем виде, а стереотип – как программа воспитания отношения к той или иной нации. Под программой народного воспитания в данном случае подразумевается исторически сложившееся стремление того или иного народа прививать подрастающим поколениям те или иные черты национального характера, те или иные национальные особенности. В этом, и только в этом, смысле идет речь о программе национального воспитания. Такое толкование стереотипа и автостереотипа представляется значительным приближением к их научной оценке.

По трактовке этнопсихологов, почти любой автостереотип страдает недостатками, наиболее существенным из которых является стремление, привнести в нравственность нечто от идеала, нечто из того, что должно было быть. В действительности же именно этот кажущийся недостаток является дополнительным подтверждением справедливости этноэтического подхода к автостереотипу как к концентрированному выражению содержания и цели народного воспитания.

Рассмотрение и анализ различных стереотипов показывает, что проверка их исторически сложившейся программы народного воспитания дает верный, объективный результат. В конечном счете автостереотип отражает уровень национального самосознания и претерпевает постоянную эволюцию под влиянием общественных условий. В народной программе воспитания тот или иной стереотип может быть господствующим, главенствующим, определяющим и выступать в ряду соподчиненных ему черт (такowymi, к примеру, у многих народов являются трудолюбие, верность дружбе).

Национальная специфика совершенного человека обычно проявляется во взаимных отношениях между различными чертами характера и нравственного поведения. В то же время конкретное прогрессивное национальное воспитание имеет не только национальные, но и общечеловеческие ценности. Именно в этом состоит своеобразие взаимодействия национального и межнационального.

Стереотип, отражающий дружбу народов, может рассматриваться как программа воспитания на примере национальных черт другого народа. «Русский человек – добрый человек». Это изречение В.Г.Далем зафиксировано как чувашское приветствие.

В то же время стереотипы и автостереотипы, конечно, не абсолютизируют национальных особенностей, в них нет раз и навсегда заданной стабильности и константности, практически возможны и теоретически вероятные переходные стереотипы.

Можно полагать, что стереотипные характеристики, подчеркивающие наиболее сильные и самобытные черты народов, такие, как «энергичные и предприимчивые татары», «упорные и настойчивые якуты», «дружные и сплоченные киргизы» не потеряли своего значения до сих пор. Вошли в поговорку выносливость в труде тувинцев, упорство хакасов в достижении поставленной цели.

Те или иные черты, отсутствующие в системе стереотипов, не исключают их из программы воспитания, как нечто противоречащее национальному духу; речь может идти только об удельном весе тех или иных черт, который может быть разным для разных народов, то есть в программе может быть представлено различное расположение черт личности по степени их важности. К этому, в основном, и сводится этническая специфика веками складывающейся программы воспитания совершенного человека.

В некоторых исследованиях по этнопсихологии национальный характер нередко рассматривается в готовом виде и делаются попытки объяснить его особенности, исходя из условий географической среды, климата и т.п. Ни один из факторов не является универсальным, ни один из них не может дать удовлетворительного объяснения национальных особенностей при игнорировании системы воспитания, складывающейся веками под влиянием исторических условий, в первую очередь под влиянием условий материальной жизни общества. Образ жизни, практическая деятельность и т.п. влияют на формирование национального характера, выступая как факторы воспитания. Поэтому для знакомства с любым из народов необходимо изучение его системы воспитания: если хотим глубоко знать национальный характер – мы обязаны узнать национальную систему воспитания.

Имеется очень много точек соприкосновения между концепциями нравственности и социальной психологии. Многие трафареты поступков входят в ту и другую исследовательскую программу. Психология как наука преимущественно пользуется принципом объективности, описывает те или иные черты характера, поступки и действия не только с точки зрения их объективности, но с точки зрения того, что полезно и что вредно обществу.

В науке существуют различные системы, различия которых состоят в том, что каждая из них имеет свои особенности в отношении к объекту исследования. В психологии, например, существуют различные школы, каждая из которых имеет свои особенности в отношении к объекту исследования. В нравственности, наоборот, существуют различные школы, каждая из которых имеет свои особенности в отношении к объекту исследования. В психологии, например, существуют различные школы, каждая из которых имеет свои особенности в отношении к объекту исследования. В нравственности, наоборот, существуют различные школы, каждая из которых имеет свои особенности в отношении к объекту исследования.

3. Основное исследование имеет целью выявить закономерности в развитии нравственности, ее связь с другими сферами жизни общества. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению нравственности в ее развитии, ее связи с другими сферами жизни общества. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению нравственности в ее развитии, ее связи с другими сферами жизни общества.

4. История не является ни причиной, ни следствием нравственности. Она является ее частью, ее элементом. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению истории нравственности, ее связи с другими сферами жизни общества. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению истории нравственности, ее связи с другими сферами жизни общества.

5. Диалектика в исследовании нравственности является основным методом. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению диалектики нравственности, ее связи с другими сферами жизни общества. В этом исследовании особое внимание уделяется изучению диалектики нравственности, ее связи с другими сферами жизни общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследовательское пространство ограничено извлечением исторической закономерности в сфере преемственности нравственных традиций из материалов устно-поэтического творчества тюркоязычных народов.

2. Преследована широкоплановая задача – уложить в единую систему огромный пласт разнообразного эмпирического материала. Сквозь бесконечное разнообразие данных, составляющих эмоциональную мудрость народов, отчетливо просматривается нить исторической закономерности и регулярности. Какой бы специфичностью ни обладала жизнь и творчество тюркоязычных народов в них содержится такое нечто общее, что присуще почти всем народам, имеющим свое историческое прошлое и настоящее. Для этой цели собраны и уложены в систему огромный массив из фрагментарных исторических данных, чтобы перебросить единый теоретический мост от прошлого к настоящему.

3. Основной исследовательский акцент падает на проблему преемственности, свойственной нравственным традициям. Речь идет не о простой преемственности, а о довольно сложной и запутанной причинности, лежащей в основе избирательной сохранности таких традиций, которые обеспечивают живучесть и даже прогресс этноса.

4. История не укладывается в принцип линейной причинности. Она делает внезапные «петли», скачки к прошлому, хотя и не в буквальном смысле. Исследователь не должен теряться – впасть в философию золотого века. Несмотря на то, что история делает зигзаги, в ней превалирует поступательность, обновление и творчество. Такова диалектика преемственности нравственных традиций прокладывающей себе путь сквозь бесконечный kaleidoscope исторических переворотов.

5. Диалектика в прошлом слишком большое значение придавала внешним причинам исторического движения. Подлинная диалектика преодолевает ограниченность старой методологии. Изучение исторических материалов показывает, что движение, изменение и развитие происходит за счет «столкновения» двух факторов: внешних и внутренних. Понятно как реальные исторические перемены отражаются в нравственном облике народа,

этнoсa. Но мы не можем отказаться от очевидной реалии того, что историю делают сознательные, духовно ориентированные личности. История – это сплав объективного и субъективного. Субъекты в силу своей приверженности к тем или иным идеям и страстям вносят ощутимые возмущения в линейный исторический процесс.

6. Традиции и стабильны (инертны), и изменчивы. Одним из существенных факторов, обеспечивающих единство противоположностей, является вторжение субъективных факторов, куда больше всего входит дух, душа народа. Традиции «движутся» и «покоятся» не только в силу внешних толчков, а в силу срабатывания механизмов самоорганизации, очевидно присущей духовной сфере народа.

Литература

1. Абсаттаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. – Алма-Ата, 1995.
2. Аверин Н.М. Природа общечеловеческого в морали //Философские науки. 1973. – №2.
3. Азербайджанские пословицы и поговорки. – Баку, 1968.
4. Азербайджанские сказки, мифы и легенды. – Баку, 1963.
5. Айтматов Ч.Т. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М., 1963.
6. Алимджан Х. Избранные произведения. – Ташкент, 1968.
7. Алтайские сказки. – Новосибирск, 1932.
8. Аникин В.Н. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. – М., 1980.
9. Анисимов Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969.
10. Анисимов С.Ф. Марксистско-ленинская этика. Курс лекций. – М., 1973.
11. Андреева Г.Н. Социальная психология. – Л., 1980.
12. Антология каракалпакской поэзии. – Ташкент, 1968.
13. Антология педагогической мысли Казахстана /Сост.: К.Б.Жарыкбаев, С.К.Калиев. – Алматы, 1995.
14. Арнольдov А.И. Национальные культуры: современное видение. – М., 1992.
15. Арсыбаев Х.А. Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – Алма-Ата, 1976.
16. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1969.
17. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция //Советская этнография. 1982. – №2.
18. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособ. для вузов. – М., 1999.
19. Архангельский Л.М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. – М., 1974.
20. Асманов А.Г. Деятельность и установка. – М., 1979.
21. Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии у чуваш //Этнографическое обозрение – М., 1892. – Кн. XIII-XIV. №2-3.
22. Ашмарин Н.И. Сборник чувашских пословиц – Чебоксары, 1925.
23. Бабаев И. Жизнь, история, эпос. О принципах историзма и этапах развития. Узбекский героический эпос. – Ташкент, 1981.

24. Базан Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке и зарубежная тюркология. – М., 1966. – Вып. I.
25. Байметов А.Х. Традиция как механизм духовного развития субъекта исторического процесса. – М., 1937.
26. Байренова С.Б. Художественная культура как средство гуманизации молодежи. – М., 1991.
27. Балтер Б.И. Хакаские героические сказки. – Абакан, 1955.
28. Бахтин М.М. Творчество Ф.Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
29. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
30. Башкирские народные сказки. – Уфа, 1941.
31. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1967.
32. Башкирский героический эпос. – М., 1972.
33. Белинский В.Г. Избранные педагогические сочинения. – М., 1946.
34. Белинский В.Г. Избранные философские произведения. – М., 1946.
35. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т. – М., 1956. – Т. 10.
36. Белов В.Н. Обыденное сознание: структура, доминанты. Исторические основания. – Саратов, 1991.
37. Бешимов Ж. Народные традиции в нравственном воспитании школьников. – Казань, 1975.
38. Библер В.С., Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм // Вест. АН СССР. 1970, №8.
39. Блюмкин В.А. О чести и достоинстве советского человека. – М., 1974.
40. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психологические тр. – М., 1995.
41. Бромлей Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская педагогика. 1989, №6.
42. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
43. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973.
44. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Человечество – это народы. – М., 1990.
45. Быховской Б.В. Наука и здравый смысл // Философские науки. 1956, – №3.
46. Василенко В.А. Мораль и общественная практика. – М., 1983.
47. Васильев Г.М. Живой родник. Об устной поэзии якутов. – Якутск, 1973.
48. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики. – М., 1988.
49. Веселков Г. Туркменское народное творчество. – Ашхабад, 1955.

50. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
51. Виноградов Г.С. Народная педагогика. – Иркутск, 1926.
52. Вичев В. Мораль и социальная психика. – М., 1976.
53. Вместе – рекой быть, врозь – ручейками. Узбекские пословицы и поговорки. – Ташкент. 1983.
54. Война в Туркестане. Поход Скобелева в 1860-1861 гг. – М., 1983.
55. Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения. – М., 1953.
56. Волков Г.Н. Исследование, изучение, освоение и применение народной педагогики / Материалы Всесоюзной науч.-практ. конф. Чебоксары, 1991.
57. Волков Г.Н. Педагогика жизни. – Чебоксары, 1989.
58. Волков Г.Н. Рассказы моей бабушки. – Чебоксары, 1957.
59. Волков Г.Н. Идея совершенного человека в народном воспитании // Советская педагогика. – 1971. – №10.
60. Волков Г.Н. Неотъемлемая часть народной культуры // Советская педагогика. – 1989. – №7.
61. Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары, 1974.
62. Волков Г.Н. Этнопедагогика. – М., 1999.
63. Волк и лиса. Узбекские народные сказки. – Ташкент, 1970.
64. Воробьев Л.В., Коганов В.М., Фурман А.Е. Основные категории и законы материалистической диалектики. – М., 1962.
65. Вычко А.И. Народная мудрость Руси: философский анализ. – Киев, 1988.
66. Гегель Г.В. Лекции по истории философии. Кн. 2. Соч. Т. 10. – М.-Л., 1982.
67. Гегель Г.В. Наука логики. Соч. Т.5. – М., 1937.
68. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Логика. – М.-Л., 1929.
69. Гете И.В. Собрание сочинений в 13 т. – М.Л., 1932. – Т. 9.
70. Горький А.М. Предисловие к кн. «Баллада о Робин Гуде». – М., 1919.
71. Горький А.М. О литературе. – М., 1955.
72. Горячева А.И., Макаров Н.Г. Общественная психология. – Л., 1979.
73. Григорьев С. Чувашские сказки. – М., 1971.
74. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
75. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М., 1993.
76. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – Л., 1995.
77. Гумицкий Д.Н. Нравственное воспитание: цель, условия, закономерности. – М., 1983.

78. Гуревич Л.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1989.
79. Гуроя Ю.С. Социология: Учеб. пособ. – Чебоксары, 2003.
80. Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. – М., 1988.
81. Давиткин К.Д. Из мудрости веков. – Казань, 1991.
82. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1957.
83. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
84. Джалалов Г.А. Узбекские народные сказки, эпос. – Ташкент, 1980.
85. Джандильдин Н. Природа национальной психологии. – Алма-Ата, 1971.
86. Девять бунтов шамана. Шорские легенды и придания. – Кемерово, 1989.
87. Дирякова Н.Г. Шорский фольклор. – М.-Л., 1940.
88. Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания. – Чебоксары, 1981.
89. Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения. – М., 1946.
90. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1960. – Т. 20.
91. Дробницкий О.Г. Проблема нравственности. – М., 1977.
92. Духовное производство и народная культура. – Свердлов, 1988.
93. Жемчужное ожерелье. Узбекские народные сказки. – Ташкент, 1985.
94. Жирмунский В.М. Сравнительное изучение эпоса народов Средней Азии. – Ташкент, 1960.
95. Зунун А. Мудрецы о воспитании. – Ташкент, 1982.
96. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1962.
97. Иванов Д.Е., Петрова Т.Н. Национальная культура, традиции и элементы философии чувашей. – Чебоксары, 1996.
98. Измайлов А.Э. Народная педагогика: Педагогическое воззрение народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991.
99. Ильенков Э.В. «Всеобщее». «Единичное». Философская энциклопедия. – М., 1964. – Т. 4.
100. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособ. – М., 1998.
101. Исмуков Н.А. Диалектика общего и особенного в развитии национальных культур. (Философско-методологический аспект проблемы). – Чебоксары, 1992.
102. Кадриев Б. Рассказы попугая. Туркменские народные сказки. – Ашхабад, 1945.
103. Кант И. Основы метафизики нравственности: Соч. в 6 т. – М., 1963-1966. – Т. 4. – Ч. I.
104. Канюков В.Я. От фольклора к письменности. – Чебоксары, 1971.

105. Как дехканин счастье искал. Узбекские народные сказки. – Ташкент, 1985.
106. Киргизский героический эпос «Манас». – М., 1971
107. Киргизские народные сказки. – Фрунзе, 1956.
108. Касымжанов А.Х. Духовное наследие казахского народа. – Алма-Ата, 1991.
109. Каратаев У.Х. Традиционное народное творчество – проблема возрождения и развития. – Ташкент, 1991.
110. Кизанов И.С. Хакассские сказки. – Иркутск, 1952.
111. Каракалпакские пословицы и поговорки. – Нукус, 1990.
112. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. – М.-Л., 1932.
113. Коган Л.Н. Народ и миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. – 1963. – №2.
114. Коган Л.Н. Художественная культура и художественное воспитание. – М., 1979.
115. Кожамметова К.Ж. Казахская этнопедагогика: Методология, теория, практика. – Алматы, 1998.
116. Козлов В.И. Этнос и культура // Советская этнография. – 1979. – № 3.
117. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. – М., 1973.
118. Корчак Я. Как любить детей. – М., 1973.
119. Кожхъяре Д. История фольклористики в Европе. – М., 1960.
120. Краткий этнологический словарь / Под ред. Н.П.Пищурина и др. – М., 1994.
121. Крутов Н.И., Крутова О.Н. Человек и мораль. – М., 1970.
122. Кузнецов И.Д. Опыт исследования чувашской народной философии // Родная Волга. – 1952. – №№ 3-5.
123. Культурное наследие: преемственность и перемены. – М., 1991.
124. Культура, нравственность, человек. – Ташкент, 1991.
125. Культура и искусство татарского народа. (История, традиции, взаимосвязи). – Казань, 1993.
126. Кушекбаев Н. Проблемы изучения народной педагогики в Казахстане. – Орджонекидзе, 1971.
127. Лапина Г.С. Этика и социальная активность личности. – М., 1974.
128. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1886.
129. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М., 1964.
130. Ленин В.И. Философские тетради. Полн. собр. соч. Т. 29.

131. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1972.
132. Левыкин Н.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.
133. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979.
134. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. – Л., 1985.
135. Лосский Н.О. Условие абсолютного добра. – М., 1991.
136. Луначарский А.В. Собрание сочинений в 8 т. – М., 1967. – Т. 7.
137. Майков Л.Н. О былинах Владимирова цикла. – СПб., 1863.
138. Макаренко А.С. Соч. Т. 5. – М., 1958.
139. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М-Л., 1951.
140. Манас. Эпос в 4-х кн. – Фрунзе, 1979-1982.
141. Мансуров Н.С. О системообразующих понятиях общественной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.
142. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – №2.
143. Маркс К. Капитал. Т. 1. – М., 1952.
144. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6.
145. Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. – Йошкар-Ола, 2002.
146. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976.
147. Мисабишвили Ш.В. Диалектика общего и особенного в социальном развитии. – Сухуми, 1971.
148. Мифология народов Якутии. – Якутск, 1980.
149. Митоваров А.К. Развитие семейного воспитания в Узбекистане. – Ташкент, 1976.
150. Молдабаев И.Б. Эпос «Манас» – как источник изучения духовной культуры киргизского народа. – Фрунзе, 1969.
151. Мурадов М.М. Эпос «Кер-оглы» – сокровищница души, дум и чаяний народа. – Ташкент, 1990.
152. Мухамметбердиев О.Б. Национальное самосознание. – Ташкент, 1992.
153. Мчедлов М.П. Диалектика общечеловеческого и классового. – М., 1989.
154. Наджимов Г.Н. Народные традиции и культура. – Ташкент, 1993.
155. Назаревич А.Ф. В мире городской народной сказки. – Махачкала, 1972.
156. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. – М., 1991. – Вып. 4.

157. Национальная культура коренных народов Республики Саха. – Якутск, 1992.
158. Нурланова К.Ш. Эстетика художественной культуры казахского народа. – Алма-Ата, 1967.
159. Одюков И.И. Чувашская народная лирика. – Чебоксары, 1978.
160. Ойзерман Т.И. Философия и быденное сознание // Философские науки. – 1967. №4.
161. Орлова Э.А. Введение в культурную антропологию. – М., 1994.
162. Ормонов Т. Идеи военно-патриотического воспитания в эпосе «Манас». – Фрунзе, 1971.
163. Оширбаев И. Идеи нравственного воспитания в казахском устном народном творчестве. – Ташкент, 1973.
164. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 4. – М.-Л., 1951.
165. Парыгин П.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1971.
166. Першиц А.И. Этнографические исследования развития культуры. – М., 1985.
167. Песни былых времен: Лирика народов Средней Азии / Перевод и сост. И.Гребнева. – Ташкент, 1961.
168. Песни и думы народа: Из туркменского народного творчества. – Ашхабад, 1955.
169. Песни столетий: Антология узбекской поэзии: В 3-х т. – Ташкент, 1963.
170. Петрова Т.Н. Чувашская педагогика как фактор мировой культуры. – Чебоксары, 1996.
171. Петровский Р.Р. Классовое и общечеловеческое в народе: Урок дискуссий 20-х годов (Мораль и этика). – М., 1973.
172. Петрухин А.И. Мировоззрение и фольклор. – Чебоксары, 1971.
173. Пирлев К. Народная педагогика и современность. – Ашхабад, 1983.
174. Платов В.Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. – М., 1982.
175. Плач лани: Турецкая короткая народная поэма. / Перевод Н.Гребнева. – М., 1936.
176. Плеханов Г.А. Избранные философские произведения: В 4-х т. – М., 1957.
177. Покровский Л.А. Народные песни гагаузов, молдаван и украинцев. – М., 1966.
178. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1979.
179. Проблема изучения традиций в культуре народов мира. – М., 1990.

180. Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985.
181. Прозрачный сон: Туркменские народные сказки. – М., 1969.
182. Пропп В.Я. Мифология и сказки: Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М., 1969.
183. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. – М., 1976.
184. Психологический словарь. – М., 1983.
185. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л., 1988.
186. Пухов И.В. Якутский героический эпос. – М., 1979.
187. Рассказы попугая: Сказки. – Ашхабад, 1963.
188. Родионов В.Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. – Чебоксары, 1990.
189. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957.
190. Русина Г.П. Традиция как объект социолого-философского исследования. – М., 1992.
191. Русские в Акал-теке. – СПб., 1981.
192. Сакали М.А. Туркменский сказочный эпос. – Ашхабад, 1945.
193. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1984.
194. Сарсенбаев Т.У. Национальные традиции в семейном воспитании. – М., 1985.
195. Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. – М., 1988.
196. Сержпутовский А.К. Сказки и рассказы белоруссов-полешуков. – СПб., 1911.
197. Сидорова Е.С. Сюжеты чувашских бытовых сказок. – Чебоксары, 1974.
198. Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. – Чебоксары, 1965.
199. Сказки народов мира. – М., 1988.
200. Сказки народов СССР. – М., 1986.
201. Слово безвестных мудрецов: Киргизские пословицы. – Фрунзе, 1986.
202. Соловьев В. Русская идея. – М., 1991.
203. Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. – Л., 1979.
204. Социальная психология / Под ред. Предвечного Г.Н., Шерковича Ю.А. – М., 1975.
205. Социальный прогресс и культурное наследие. – М., 1987.

206. Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. – М., 1976.
207. Татарские народные сказки. – М., 1957.
208. Титаренко А.И. Структура нравственного сознания. – М., 1974.
209. Традиции в современном обществе: исследование этнокультурных процессов // Сб. ст. (отв. ред. Л.М.Дробжишева). – М., 1990.
210. Традиции и история культуры. – М., 1978.
211. Турецкие народные пословицы и поговорки. – М., 1986.
212. Турецкие народные сказки / Пер. Н.Уветинова. – М., 1939.
213. Турецкие сказки. – М., 1986.
214. Узбекские народные пословицы. – Ташкент, 1983.
215. Узбекские народные сказки. – Ташкент, 1986.
216. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966.
217. Узоры на коврах. Песни народов Средней Азии. – Ташкент, 1985.
218. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – М., 1985.
219. Уразбеков А.У. Этическая мысль в Казахстане (с раннего средневековья до конца XIX в.). – Алма-Ата, 1962.
220. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. – М., 1953.
221. Федотов В.А. Этноэтика: Народная система нравственного воспитания. – Алматы, 1997.
222. Феизов Э.З. Философский анализ психофизической проблемы. – Чебоксары, 2001.
223. Фольклор в современном мире – аспекты и пути исследования. – М., 1991.
224. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л., 1990.
225. Ханбигов Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. – Казань, 1968.
226. Харাপинский А.Я. Нравственность и традиции. – М., 1971.
227. Харитонов М.Г. Традиционная культура воспитания в деятельности этнопедагогических классов: Учеб. пособ. / Под ред. Г.Н.Волкова. – М., 1994.
228. Христова Е.Л. Об уточнении понятийного аппарата этнопедагогики // Советская педагогика. – 1987. – №7.
229. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 10 т. – СПб., 1906. – Т. 2.
230. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. – Л., 1986.
231. Чувашская народная поэзия. – Чебоксары, 1990.

232. Чувашские легенды и сказки. – Чебоксары, 1979.
233. Чувашские пословицы, поговорки и загадки /Сост. Н.Р.Романов. – Чебоксары, 1960.
234. Чувашские сказки. – М., 1971.
235. Чувашское устное народное творчество в 6 т. – Чебоксары, 1973-1979.
236. Чуриков И.А. Сознание народных масс и его структура. – Л., 1979.
237. Шалабаева Г.К. Этнос. Культура. Самосознание (о роли художественной культуры в национальном сознании и самосознании). – Алматы, 1995.
238. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). – Алматы, 1998.
239. Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. – М., 1963.
240. Шишкин А.Ф. Этология и этика //Вопросы философии, 1974. № 9.
241. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. – СПб., 1996.
242. Шурыц Г. История первобытной культуры. Вып. 1. – М., 1923.
243. Этническая педагогика / Под ред. В.А.Пятина и др. – Астрахань, 1995.
244. Этнология. Учеб. для вузов / Александренков Э.Г., Заседателева Л.Б., Зверева Ю.И. и др. – М., 1994.
245. Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения. – М., 1991.
246. Этнокогнитология: Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. – М., 1994.
247. Этнометодология: Проблемы, подходы, концепции / Отв. ред. Э.А.Чамокова. – М., 1994.
248. Этнос и его подразделения / Отв. ред. Кузеев Р.Г., Тишков В.А. – М., 1992.
249. Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. – М., 1998.
250. Якутский фольклор крестьян. – Якутск, 1969.
251. Ярская-Смирнова Е.В. Философский анализ народной культуры. – Саратов, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ГЛАВА I. НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	5
1.1. Традиции как форма исторической памяти этноса	5
1.2. Преемственность и социальные функции нравственных традиций	20
1.3. Категории общего, особенного и единичного в анализе национального и интернационального в нравственных традициях	36
ГЛАВА II. НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ЭТНОСА КАК ЯВЛЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	57
2.1. Значение общей теории этноса в интерпретации особенностей национальных нравственных традиций	57
2.2. Нравственное сознание этноса как духовно-практическое отражение социальной действительности	71
2.3. Социально-психологические уровни сохранения нравственных традиций этноса	95
Заключение	110
Литература	112

ФЕДОТОВ Василий Артемьевич

**НРАВСТВЕННЫЕ
ТРАДИЦИИ ЭТНОСА**

МОНОГРАФИЯ

Научный редактор А.В.Маслигин

Литературные редакторы: Л.Н.Еремеева

Е.Г.Смоляр

Компьютерная верстка Ю.А.Солуданов

Лицензия ИД № 06434 от 10 декабря 2001 г.

Тем. план 2003 г. № 138.

Подписано в печать 15.10.2003 г. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 7,20. Уч.-изд. л. 5,24.

Тираж 500. Заказ № 638.

**Оригинал-макет подготовлен к печати в РИО и отпечатан ООП
Марийского государственного университета
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1**

